

Старовский раскоп

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Огеньская Александра

Александра Огеньская Старовский раскоп

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69739822

SelfPub; 2023

Аннотация

Полная до безобразия, тяжелая, как на сносях, луна выплыла из-за облаков, осовело оглядела окрестности. Окрестности ничем особым ее не удивили: всё тот же снег, те же жиденькие пролески и редкие черные кляксы ёлок, то же марево ночного города вдалеке. Огляделась, подумала и хотела было снова спрятаться, да зацепилась за странное. На подъеме ночи, в сорокаградусный мороз, когда даже лисы тихо спят и носов из нор не кажут, когда стонут и вздыхают мерзнувшие деревья – через ледяную пустошь брел человек.

Содержание

Часть 1. Лицевая сторона	4
Глава 1. Ab ovo	6
Глава 2. Охота	19
Глава 3. Сны и яви	58
Глава 4. Казенное	86
Глава 5. Воюющие собаки	118
Часть 2. Изнанка	139
Глава 1. Перешагнуть Рубикон	140
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Александра Огеньская

Старовский раскоп

Часть 1. Лицевая сторона

Полная до безобразия, тяжелая, как на сносях, луна выплыла из-за облаков, осовело оглядела окрестности. Окрестности ничем особым ее не удивили: всё тот же снег, те же жиденькие пролески и редкие черные кляксы ёлок, то же марево ночного города вдалеке.

Огляделась, подумала и хотела было снова спрятаться, да зацепилась за странное.

На подъеме ночи, в сорокаградусный мороз, когда даже лисы тихо спят и носов из нор не кажут, когда стонут и вздыхают мерзнувшие деревья – через ледяную пустошь брел человек. Ради такого события луна передумала прятаться, поскольку знала, что ночью людишки предпочитают спать по домам, а не шататься бог знает где. Луне стало любопытно.

А человек вообще оказался непонятный. Во-первых, в такой мороз в легонькой вельветовой куртке, идет, трясется весь, шатается, периодически заваливается, как новорожденный жеребенок, но упрямо подымается и снова бредет, утопая в снегу. Во-вторых, человек явно не представляет,

куда и зачем идет: город, — луна это видела ясно, — оставляет строго за спиной, впереди же глухая чаща настоящей тайги. В-третьих, но об этом объект наблюдений знать не может точно, метрах в трехстах от него, тихо, прижимая нос к петлям следов, крадется за человеком огромная черная пантера. Опять же — откуда в Сибири пантеры?!

Вот она замерла, подумала... Хвост раздраженно мотнулся туда-сюда. Потом невнятно рыкнула и понеслась по следу, всё так же низко пригибая голову. Расстояние быстро сокращалось.

Человек как раз снова завалился в сугроб, он не видит опасности. А пантера уже в десяти... в пяти... в трех метрах... Вот она подымает голову, рычит, желтые глазищи сверкают зло и голодно, вот человек пытается отползти, глупо заслоняется локтем, вот...

Досмотреть, чем всё закончилось, луна так и не сумела — набежали облака и скрыли захватывающее зрелище от ее взора. Впрочем, интерес она потеряла почти сразу и не сильно огорчилась. А на следующую ночь и думать забыла.

Снег всё шел и шел.

Глава 1. *Ab ovo*

Пахло здесь всегда сырой затхлостью и холодно было тоже всегда. Зачем холодно, Андрей приблизительно понимал – один из способов давления на пленника. Насчёт сырости мог только гипотезы строить – скорее всего, какое-то подземелье, но с таким же успехом может быть и просто подвал ничем не примечательного домика где-то на окраине города. Камера маленькая, пять на семь шагов, стены неровные, краска местами облупилась, обнажила кирпичную кладку. Потолок низкий, ощущаешь себя как в гробу заколоченным, окон нет. Счёт дням Андрей потерял давным-давно, иногда казалось, держат его здесь месяц-два, иногда – годы и годы. Терял отросшую щетину и решал, что всё же не более месяца. Наверно, уже объявили в розыск. Или не объявили? Мало ли, уехал человек куда... Да даже если бы объявили – не найдут. Что обычная простецкая милиция против...

Против кого, кстати? Андрей так и не выяснил личности своих похитителей. Какие-то сильные маги, но только кто? Кому мог перебежать дорогу скромный специалист по магическому антиквариату? Кто-то из клиентов? Конкуренты? Может, Рихарт? Но нет, тот сидит себе в Германии и носа в Россию не кажет вот уже лет десять. Да и не стал бы он из-за какого-то браслета или пары статуэток... Но кто тогда?

И зачем? Так и не объяснили, чего хотят. Просто однажды возвращался домой, довольно поздно и, чего уж греха таить, слегка в подпитии, а в подворотне — чем-то тяжелым по затылку и всех делов. Потом уже эта камера и ощущение полнейшего бессилия — собственную магию словно бы отрезало. Понял, что барьер.

И еще понял, что сам этот барьер не пробьет. В первый день вообще никто не пришел (день весьма условный: от момента, когда очнулся и обнаружил себя в этих стенах, а ночь — когда утомился и заснул прямо на холодном полу), сколько Андрей ни кричал и ни пинал тяжелую дверь своего узилища. На второй явились два мордоворота непонятной магической принадлежности и избили, так и не произнеся ни слова. Поест не дали. Морили голодом еще несколько дней, потом снова избили. Потом всё-таки сжалились и покормили. Теперь кормят регулярно и довольно прилично для тюрьмы, бьют изредка и уже без бывшего остервенения, профилактически, но, черт возьми, так и не объясняют ничего! Была мысль — Андреем кого-то шантажируют, потому и бьют. Может, на видео записывают? Но когда шантажируют, вряд ли держат больше недели, а Андрея держали.

Первые дни мужчина еще пытался как-то трепыхаться, всё простукивал стены, бился в дверь, кричал и требовал позвать кого-то главного, после впал в голодный ступор, даже с жизнью попрощался, затем дней пять примерно приходил в себя. А сейчас уже понимал, что еще сколько-то времени

взаперти – и просто рассудком двинется! С ума сходил от тоски, от плохо придавленного страха, от вони собственного грязного тела. Ненавидел эти стены, своих молчаливых мучителей, даже самого себя – за беспомощность. Но ненавидел монотонно, сквозь усталость и побои. И тишину. Не мог, определенно не мог больше здесь находиться, дней десять назад застал себя на том, что сидит в углу, подтянув колени к подбородку и, мерно раскачиваясь, бормочет как заведенный: "Не могу-не могу-не могу-не могу!" Казалось, стены надвигаются, потолок медленно проседает, вот-вот тяжелым прессом придавит жалкого человечка... Тогда лихорадочно вскочил, забегал по камере, ощутив, как в первые дни заключения, нестерпимый зуд деятельности. Магия здесь не работала, он даже уже привык почти, но ведь свет клином на магии не сошелся?! Живут же как-то другие люди без неё! А тут лишь бы за дверь выскочить – чутье говорило, что такой мощный барьер вряд ли может быть растянут на пространство большее, чем камера. Тут бы выбежать – а дальше "прыжок" за пределы здания и свобода! Только бы...

Тогда же принялся ковырять стену – старая, крошилась она легко, ногтями и черенком ложки получилось поддеть кирпич, и вот как раз вчера его уже удалось полностью вытащить из паза, а дальше дело ловкости. Зайдут они, два этих "шкафа", одному черенком в глаз, другому кирпичом по голове, и за дверь!

Снились сегодня бесконечное ковыряние в стене, пустые

голубые глаза одного из охранников, стена, надвигающийся потолок, привычная уже ноющая боль во всем теле. Проснулся в холодной испарине, долго лежал в темноте, пока не включился свет и не наступило "утро", от нетерпения бежал по камере, потом поуспокоился, заставил себя присесть на подстилку, уткнуться лицом в колени, как обычно, чтобы не вызывать подозрений. Кирпич спрятал справа от себя, в левый карман сунул ложку...

Всё получится, только бы самую малость везения...

В девять часов вечера в декабре-месяце в городе уже совсем темно, витые фонарные столбы свет дают голубоватый, холодный, подстать времени года. В конусах света мечутся снежинки – целыми слипшимися хлопьями вытанцовывают сарабанду. Подвывает ветер, лезет холодными пальцами под тоненькую шубку бредущей сквозь сумасшедшее мельтешение девушки, небо черное-черное, а звезд не видно. Метель.

Город маленький, всего-то сто тысяч человек жителей, сонный и аккуратный до маниакальности, до идеальной геометрической правильности нешироких улиц и площадок, до точной линейности планировок кварталов. Кварталы – старенькие "хрущевки" с редкими вкраплениями более поздних "панелек" и совсем уж по меркам городка "роскошных" девятиэтажек. Центральные улицы с самого начала последнего месяца в году по далекой столичной моде разряжены в яркие гирлянды, прельщают витринами магазинов, оформ-

ленными старательными, но неумелыми копиями витрин той же столицы. Днем по улицам расхаживают фальшивые Деды Морозы в отчего-то желтых кафтанах, суют в руки прохожим рекламные календарики и предлагают бесплатно подключиться к какому-то там сотовому оператору. Мальчишки гоняют жирных прикормленных голубей на центральной площади, на картонках съезжают вниз по высоченной ледяной горке, хохочут... Шумно и весело.

Вечером всё иначе. Вечер в провинции начинается рано, часов в семь, когда закрываются первые магазины. Немного раньше пропадают "Деды Морозы", мальчишек заывают ужинать, горожане, пряча носы в пушистые воротники, разбегаются по домам. В восемь еще можно встретить редких "сверхурочников", но к девяти город задергивает шторы желтых окон, намечает высокие сугробы и в них с уютом засыпает, изредка вздрагивая во сне взвизгнувшей сигнализацией автомобиля или протяжным воем бродячего пса. Только метель и ночь.

И Алина, по служебной надобности вынужденная навестить коллегу аж в другом конце города. "Наша служба и опасна, и трудна", конечно, но не до такой же степени! Поглубже запахла тонюсенькую "шкурку", зябко поёжилась, ускорила шаг. Это же надо было такому случиться, чтобы именно в снегопад, именно в половине девятого Ларисе Сергеевне, которая на Старовском раскопе и в жизни не была ни разу, понадобились планы горизонтов! Вот немедлен-

но, вынь да положь! А интернета у Ларисы Сергеевны нет и прийти сама она не может – "ноют старые косточки", так что пришлось ножками топать. Главное, непонятно, зачем. Отменила посиделки с приятелем Колей, которого сто лет уже не видела, раньше времени вынула из духовки курицу и вперед, к трудовому подвигу. Без дополнительной оплаты, разумеется.

Однако теперь уже коллега вожделенные чертежи получила, завтра пятница, дома ждут горячий чай и вечер в "аське" со всем миром, и только остались два квартала и двор. И снег, который лезет в глаза и набивается за шиворот, да ветер, довольно жутко стонущий в водосточных трубах.

Вообще... страшновато. Алина никогда особо не боялась ни темноты, ни пустынных улиц, где-то в глубине души крепко сидела уверенность – всё обойдется. В темноте не водятся привидения, а в кармане всегда лежит баллончик со слезоточивым газом. И сейчас баллончик тоже на месте. В кармане. Где ж ему еще быть? Так отчего же страшно? Отчего так и хочется подобрать полы шубы, чтобы не путалась в ногах, перехватить сумку поудобней и дать дёру, и забежать в подъезд, преодолеть положенные шесть пролётов, за тяжелой дверью квартиры наконец отдышаться? Потом, может быть, посмеяться над собой. Но это уже потом...

Пиликнул сотовый телефон, просвистел "Таламанку". Коля? Точно.

– Да, алло? – ветер становился всё настойчивей, вот уже

и разговору мешал: поддувал, шуршал, вздыхал в трубку.

– Алина? Привет! Что у тебя там шумит? Разговаривать можешь?

– Я по улице иду. Тут ветер. Может, подождешь, пока я домой зайду? – слышно было плохо, связь "квакала", однако мужской голос оказался явно тем, что надо. Станный, беспричинный страх прошел, Алина взяла себя в руки, расслабленно подумала, что после Ларисы Сергеевны нервишкам следует давать отдых – вон какие фортели выкидывают! Это всё ее таинственный шепоток уже на лестничной площадке, что-то про маньяка, Алина не расслышала толком. А теперь всплыло. – Минут через десять?

– На улице? Ты уже дела уладила? Так может, всё же встретимся? Просто я сейчас в твоём районе...

Был бы Коля сейчас рядом – расцеловала бы от избытка чувств. До дома осталось уже метров пятьсот, а сейчас еще и приятель подойдёт – тревога рассеялась как дым.

– Да, конечно! Подходи! Я уже почти дома...

Навстречу к тому же шёл мужчина в темной куртке и вязаной шапчонке, с азиатскими правильными чертами лица – разглядела в фонарном свете, когда проходил мимо. Что-то восточное... Мужчина...

И опять побежал озноб, возвратилось жутковатое ощущение кошмара, когда поняла – пару секунд назад не было никакого мужчины на улице! Не было! И не лежал на широких плечах снег, и не выглядел прохожий озябшим и про-

мокшим! Всё это – в один миг пронеслось. Обернулась, уже предчувствуя, уже хватаясь за баллончик...

Заорала не своим голосом – в жизни так не орала! – огромная черная кошка ...Пантера!...оскалилась в прыжке... Дальше Алина почти потеряла сознание, в рот и нос набился снег, дышать не стало никакой возможности, тварь сверху навалилась, рычала и рвала... Шубу на плече, потом... Ох, мамочки, как больно! Месиво и крошево... Помогите! Кто-нибудь! Даже закричать не смогла...

Отупелая рука выпросталась из кармана с баллончиком – сама, без всякого на то понуждения заторможенного сознания. Провал... Резь в глазах. Такая же резь в плече. Снег... Чистый. Холодный. Вкусный. Если растереть им лицо – еще и боль в глазах унимается.

Пантеры... нет нигде! "Черемуха" помогла... Голова кружилась. В телефоне тревожно "квакали" сквозь помехи:

– Алина! Алина, ответь! Что у тебя там?!

– Коль... напали... Сейчас...

– Что?! Аля, не молчи! Где ты находишься?! Ты в порядке?!

– Я... я...

Прижала ладонь к распоротой на плече шубке... Еще подумала как-то не к месту, что на шубку два года деньги собирала... а теперь, наверно, и не починишь.... что есть еще в шкафу старенький пуховичок, но выглядит он... Отнятая от плеча ладонь оказалась красной. А вот вида крови Алина

боялась. До тошноты, до обморока.

– Кажется... Коля, я...

Телефон из ослабевшей руки выпал и затерялся в сугробе. Сидела, крепко зажмурившись. По щекам текли слезы. Застывали на ветру. Пальцев не чувствовала. Подняться – не могла. Целую вечность. Заставить себя... слабость неимоверная... "Не со мной... не со мной.. с кем-то другим происходит..." Потом захотелось спать. Лечь в сугроб и спать. И забыть про мужчину, пантеру, разодранную шубку, от крови алую перчатку. Переохлаждение... Это оно. Ну и что?

Только вдруг проснулось упрямство. Так просто, за пятьсот метров от дома – сдать?!. Когда нужно уходить, а не ждать, что нападающий возвратится?!. Ну нет! Упрямство было чужим, Алине не свойственным, но правильным, и она подчинилась. Поднялась, цепляясь за стену дома, подхватила сумку, нашарила каким-то чудом телефон, пошла. Медленно, тяжело, запрещая себе даже думать о том, насколько серьезно распорото плечо. Раньше падала в обмороки даже при сдаче на анализ крови из пальца, но если упасть сейчас – больше не подняться.

Длиннее тех пятисот метров Алина в жизни дистанции не преодолевала, шесть пролетов стоили иных подъемов на Эверест. Только захлопнув за собой дверь, заперев ее на оба замка, зачем-то забредя в ванную комнату – почувствовала себя в безопасности. И там силы оставили окончательно. Наверно, снова ненадолго потеряла сознание, потому что в

следующий момент телефон надрывался свистом и, одновременно, ломились и трезвонили в дверь.

Николай... Он.

Сидели в спальне. Аля – завернутая до подбородка в плед, опоенная валерьянкой, заклеенная пластырем (всего лишь царапина, длинная, но не глубокая), и так вовремя подоспевший приятель Коля – в кресле.

Над креслом висел старый-старый, не отцепленный от стенки только по лени и всегдашней забывчивости постер – привет из ранней юности. На постере запечатлен был герой алининых девичьих грёз, лохматый вокалист давно уже почившей бесславно рок-группы. Черные его глаза сейчас, в десятом часу вечера, смотрели сочувственно и ободряюще. Ему-то большей части и адресовала Алина свои сбивчивые объяснения, а совсем не худому, несуразному и длинноносому Кольке.

– Я уже на Мая была... с тобой по телефону разговаривала... мужчина навстречу... В черной куртке. Не знаю, откуда взялся, не было никого! Честное слово!

– Может, всё же заявишь в милицию? И всё-таки к врачу? Мало ли чего?

– Ага... – хотела засмеяться, но вместо этого почему-то всхлипнула. – Расскажу им, что мужчина превратился в пантеру и меня поцарапал... А я его газовым баллончиком... А он и исчез.

– Слушай, а может, и не было никакой пантеры? – вдохновенно предположил Колька. – Просто мужик, сама говоришь, в черном был. И темно. И ты испугалась. А плечо он тебе ножиком поцарапал!

Долго молчала. То ли та валерьянка, наконец, подействовала, то ли еще что – захлестнуло полнейшее равнодушное оупение. От плеча волнами расходилась теплая, слабенькая боль. В голове звенело, но очень тихо. Мысли в порядок не пришли, только притихли в изнеможении.

– Не знаю, Коль... Я ни в чем не уверена. Не помню уже. И знаешь, мне теперь плевать.

Зябко поежилась. Колька выпрямился в кресле, словно бы захотел подскочить и обнять, но порыву не поддался. Колька когда-то пытался ухлестывать, кажется, но как же давно это было... Первый или второй курс? Первая археологичка. Значит, на первом. Восемь лет прошло.

– Врача нужно вызвать.

Было лень. Опять ощущение – обойдется. И еще – какая-то нереальность, бредовость ситуации... Пантера в центре города. Нет, к врачу нужно. Наверно, и к психиатру тоже. Но потерпит. Позже. Не сейчас...

– Завтра к врачу схожу, больничный возьму. Недельку дома посижу.

– Смотри сама. Очень нехорошо выглядит, если честно. И лучше бы заявила в милицию. Вдруг маньяк?

– Плевать... – прикрыла глаза, щекой ткнулась в подушку.

Было знобко и странно – голова кружилась, хотелось пить, но еще больше хотелось лежать и ни о чем не думать. – Ноги моей после восьми вечера на улице теперь не будет. Переночуй у меня сегодня, ладно? В гостиной диван... А здесь в шкафу одеяло и подушка... В холодильнике жратва... А я...
– Ага. Спи.

Бежала по холодной серой равнине.

Крошечные колючие льдинки лезли в глаза, ветер свистел в ушах, хрустел и шуршал, крошась, наст. Пахло снегом и хвоей. Еще далекими-далекими цепными псами вперемешку с дымом – пахло человеком. Но этот ненавистный прилипчивый запах уже позади, за спиной. Впереди другие запахи, дикие и резкие. Вкусные. Есть хочется смертельно. Еще трепыхающийся в последних конвульсиях заяц или даже пусть белка – есть там нечего, обычная мышь в меху, но хоть что-то. Лучше бы было возвращаться назад, к дыму, там попробовать натаскать куриц, только рискованно. Люди и собаки. Особенно – люди. Их почему-то трогать нельзя, но очень уж хочется есть... И было холодно, а коротенькая жесткая шесть грела слабо.

Поперек побежали петли – недавно здесь прошла лиса. Её почти песий крепкий дух еще витал в воздухе. Лисы – мерзкие создания. Жадные, юркие, хитрые. Могут испортить всю охоту. А вон там, дальше, в сторону леса – промчался лось. Но был давно, да и не по зубам он – слишком большой и злой.

Еще здесь водятся куропатки, они жирненькие, неповоротливые, но их запаха нет сегодня в воздухе. Вряд ли удастся отыскать в эту ночь хоть одну...

Есть хотелось всё сильнее.

– Алина.... Аля, мне пора на работу. Ты как, ничего?

Спросонья не сразу поняла, кто и чего от нее хочет. Потом поняла, села. Серый утренний свет бил в глаза ослепительной яркостью, четкие черные мазки теней лежали по углам. С кухни остро тянуло помойкой. Мусор не вынесла вчера, конечно. Нелепый Коля с порога смотрел испытующе. От него навязчиво пахло шампунем и мятной зубной пастой. Всеобщая резкость раздражала.

– Да, ничего. Ты иди...

Спать и спать, и спать... Проваливаясь в чехарду еловых лап, глухого уханья филинов и перекличек синиц, успела услышать про "Не забудь позвонить на работу, предупредить" и "Обязательно сходи к врачу". Даже вроде уткнула в ответ, но в этом позже никакой уверенности не было.

Глава 2. Охота

СКАЗАНИЯ СИБИРИ. ЛЕГЕНДА О ЧЕРНОЙ РЕЧКЕ

Говорят, "Ырташ" по-татарски означает "Черная река". Может, конечно, не черная он, и не река, так, речушка, но, говорят, могуч и велик в старину был Ырташ, кормилец и поилец себер татарларов. А так ли, неведомо теперь.

Говорят еще, что когда Ырташ был настолько широк, что пущенная стрела едва-едва достигала другого берега, а Атулу-батыр был так молод, что еще бегал на женскую половину лакомиться урамой, на берегу Ырташа стояло селение, небольшое и небогатое, но жил в нем люд работающий, ленью не сидел.

И случилось так, что у уважаемого и богатого человека Сабыр-абыя любимая жена понесла. Долгое время духи были неласковы к красавице Нафизе, много раз приносила она в жертву черных баранов, но только на седьмой год сделалась не порожняя. Сабир-абый возрадовался и сразу призвал сихерче, чтобы тот дал предсказание о судьбе ребенка. Привечал при встрече, говорил ласково, просил назвать судьбу будущего ребенка и духов задобрить, чтобы наследник родился.

Сихерче призвал духов и сказал, что у Сабир-абыя дочь родится. И еще сказал, что девочка будет любима духами,

но больше детей у Сабыр-абыя не будет. Разгневался Сабыр-абый, прогнал сихерче, даже не приветив на прощание, как принято привечать мудрого человека. На пороге сихерче пробормотал только:

– Пусть падет на тебя проклятье. Не захотел дочери – и не будет у тебя дочери! И сыновей не будет!

И, словно пена на реке, истаял.

Старики говорили, что не к добру сердить ведуна, теперь духи навсегда отвернутся от Сабыр-абыя и впредь не будет ему удачи. И в тот же день погиб лучший баран стада абыя.

Испугался Сабыр, помолился духам, принес им в жертву балан и казылыки, велел послать за сихерче, чтобы его уважить, но того и след простыл.

А через девять лун пришло время Нафизе-апа рожать, привели к ее постели самую мудрую кентек инэ в селении. Тяжело рожала Нафиза-апа, три дня и три ночи, и трех баранов зарезал для духов Сабыр-абый. Не слышали духи. Тогда кентек инэ призвала в помощь Умай-ана, и великая богиня прислала в дом путника в потрепанном жилэне и старом тубэтее. Откуда он пришел, никто не ведал, и никто не знал его лица. Имени своего странный человек тоже не назвал, пошёл прямо к Сабыр-абыю. О чем говорили, не ведомо, только скоро путник ушел, даже не отведав баурсака. Сабыр-абый вышел с темным лицом и велел повесить над всеми окнами и дверями агыйыки.

Вскорости Нафиза разродилась, и в тот момент, когда ди-

тя вышло из чрева, ушла к прародителям. Кентек-инэ приняла дитя и нашла у него на пятке родимое пятно в виде змеи. Тогда она явилась к Сабыр-абыю и сказала:

– Дочь у тебя родилась, господин, а жена умерла. А у ребенка на пятке пятно – змея. Худой знак, духи пометили. Не проживет долго.

Закручинился Сабыр, еще больше лицом потемнел.

– Путник ко мне приходил, мудрая женщина. Сихерче тот, что жену и меня проклял. Велел дочь ему пообещать в жены, едва достигнет шестнадцати лет, чтобы жива осталась. Я и сговорил. Теперь не знаю, как от обещания освободиться.

– Правильно сделал, что агыйыками дом увешал, а еще запри дочь, чтобы никто и никогда ее лица не видел, и всем говори, что уродлива дочь твоя настолько, что и людям показать стыдно. Авось и откажется от уродины твой колдун. А если не откажется, тайно свези в другое селение и там за хорошего человека отдай.

Так и поступил Сабыр-абый. Прилюдно назвал дочь "Коркун", что означает "Уродливая", и никому не показал. Даже праздника в честь рождения и наречения отменил, ни одного гостя в дом не пригласил.

Только девочка родилась настоящей красавицей и, когда никто не слышал, называл ее Сабыр Фираёй.

Долго горевал по жене Сабыр и не брал другую. Да и не хотел никто сговариваться, на несчастье дочерей и сестер посылать – все ведь слышали про проклятье обиженного сихер-

че. Время шло, Коркун-Фирая росла, становилась девушкой. Такой красивой, что Сабыр-абый и наглядеться не мог, пусть зеницы ока берег. Даже радоваться стал, что никто кроме него такой красоты не видит – волосы густые, как у лошади грива, до пола достают, глаза черные, как ночь, лицо круглое, как золотая монета, сама статная. Держал дочь взаперти, даже Солнышку и Луне не показывал, без покрывала за порог не пускал.

Вот гуляет однажды Коркун около реки – по весне широко разлился Ырташ; видит – в воде былинка торчит, а на былинке маленький мышонок сидит, из последних сил держится, вот-вот упадет и утонет. Пожалела красавица мышонка, подобрала подол и пошла за ним в воду. По щиколотку зашла – холодит вода ноги, промокли сапожки, а былиночка все далеко. По колено зашла – совсем замерзла, а былиночка далеко, мышонок пищит на ней, плачет. А страшно дальше идти, совсем платье замочит, отец спросит, отчего платье мокрое. Придется говорить, что посмела без разрешения подол подымать да в воду лезть. Да жалко тварь живую – зашла по пояс. Совсем худо стало, показалось ей – в лёд превращается. Оступилась и в водоворот попала. С жизнью попрощалась уже, думает, наказали духи за непослушание.

Тем временем ехал мимо молодой батыр благородного происхождения. Видит, человек в воде тонет. Не испугался, прямо на коне в воду бросился. В самый последний момент вытащил. Смотрит – девушка. Покрывало сползло, и откры-

лось батыру, что прекрасна она, как луна в небе. И полюбил ее всем сердцем в тот же миг. Очнулась Коркун, испугалась, спряталась опять под покрывало.

Говорит батыр ласково:

– Кто ты, девица? Открой свое имя, ибо прекрасна ты, что глаз не отвести.

– Коркун, дочь Сабыр-абыя меня кличут.

– Странные же у вас порядки, красавиц уродами называть, – рассмеялся батыр. – Я бы тебя Фираей назвал, девица. Хочу к отцу твоему сватов направить, коль люб тебе.

Возрадовалась Фирая, ибо назвал незнакомый батыр ее истинное имя верно, да и пригож оказался собой, статен и силен. И одежда на нем богатая.

– Люб и ты мне, добрый батыр.

Радостная, домой возвратилась, хотела батюшке раньше срока сказать. Только видит, незнакомый человек в мужской половине, страшен, только духов пугать, сам черен, а глаза голубые, дурные, только порчу и наводить. Испугалась, спряталась у себя. Отец пришел, сам смурен, молвит:

– Сговорена ты, дочь любимая, единственная, мною еще до рождения, не успел я раньше тебя спрятать, а сегодня пришел муж твой будущий долг требовать. Готовься к свадьбе.

Заплакала Фирая, закручинилась. А кормилица и говорит ей:

– Взгляд у этого человека как у жина. Нехорошо тебе за ним будет.

Совсем опечалилась Фирая и рассказала кормилице про батыра, который ее сосватать решил. Пошла тогда кормилица к тому батыру и говорит:

– Коли любишь мою дочь молочную, спаси ее от злого си-херче!

И порешили они с батыром в ночь перед свадьбой устроить похищение невесты.

Вот сидит Фирая, глаз сомкнуть не может от страха, просит духов, чтобы от ненавистной свадьбы избавили, и милостивую Умай-ана, чтобы спасла ее от страшного человека. Слышит – топот копыт. Распахнула окно – а там батыр. "Выходи, – говори, – красавица. Спасу тебя от злого мужа". Прыгнула к нему Фирая и поскакали по степи, только пыль столбом.

Долго ли скачут, а слышат грохот за спиной страшный – земля в ужасе дрожит, луна в небе побледнела. Испугалась Фирая, спрашивает:

– Кто это, батыр?

– Не бойся, алтыным, это ветер в степи гуляет. Только не оборачивайся.

Дальше скачут, конь под ними устал, дышит тяжело. Снова грохот и как-будто копыта по камню цокают.

– Кто это, батыр? – во второй раз спрашивает Фирая.

– Это дождь по пятам, алтыным, не бойся. Только не оглядывайся.

Дальше скачут, вот уже река близко, на реке лодка под-

жидает, конь под ними хрипеть начал. Громче прежнего за спиной шум и грохот.

– Кто это, батыр?

– Это...

Ничего не успел досказать, обернулась Фирая, видит – страшный человек за ними по пятам – не скачет, летит на огромной птице. Хохочет:

– Вот и увидел я твое лицо, красавица! Теперь ты моя, никуда не сбежишь!

И пал конь под Фираей и батыром от страшного смеха. Вскричал батыр:

– Уходи, злой сихерче! Не отдам тебе свою невесту!

Еще пуще расхохотался колдун и пал замертво смелый батыр.

– Ну, красавица, придешь ли поздорову?

– Лучше в воду брошусь, чем твоей женой стану, чудище! – ответила Фирая.

– Не нужна ты мне женой, глупая женщина! Ты, от рождения духам предназначенная, должна быть принесена в жертву могучему духу реки!

И схватил сихерче девуцу, и сам бросил в реку.

Потемнели небеса от горя, и темными были три дня и три ночи, птицы петь перестали, собаки – лаять, закручинился весь люд, а пуще всех Сабыр-абый, а вода в реке от злодеяния почернела и по сей день чернеет в тот день, когда злой колдун убил красавицу Фираю. Оттого и позвали реку Ыр-

ташем. А коль не верит кто, пусть придет к ней в самую короткую летнюю ночь и заглянет в воду. Только, рассказывают мудрые люди, опасная это затея – или злой дух на дно утянет, или врэк несчастной девушки собьет с пути или смерть предскажет. Так что мало нынче смелых находится древние сказания проверять.

Так ли было дело, не ведает уже никто....

—
себер татарлары – сибирские татары.

Атулу-батыр – герой татарского эпоса.

урама – татарская сладость, печенье типа "хвороста", но в форме спирали.

сихерче – колдун, шаман

калина и домашние жирные колбасы, татарское лакомство.

кентек-инэ – повивальная бабка.

жилет и тюбетейка.

традиционное блюдо кочевников-скотоводов Средней Азии в виде небольших колобков из дрожжевого или бездрожжевого теста, изготавливаемых путём жарки во фритюре.

Умай-ата – богиня-покровительница рожениц и младенцев.

агыйык – охранный амулет.

Фирая – "Красавица".

жин – джин, злой дух.

Алтыным – "золото мое".

врёк – душа, призрак.

Андрей

Они зашли. Наблюдал за ними, как обычно, исподлобья, внимательно, как смотрел всегда, чтобы определить, будут бить или сегодня дадут роздых. Если собираются бить, понятно сразу: один отходит к противоположной стене, ставит миску с едой на пол, пока второй "разминается". Самое страшное – у обоих выражения лиц одинаковые, равнодушно-скупающие. Обоим не особо нравится такая работа, но это работа и необходимо исполнять ее со всем возможным старанием.

Сегодня бить собирались. Ну да, они примерно через день... Интересно, у них всё по плану? Только теперь у Андрея был свой план. И еще ему просто обязано было повезти.

Того первого, который любитель "разминки", подпустил совсем близко. Ловко увернулся от пинка под ребра, подскочил, где-то самым краешком сознания испугался того, что сейчас должен будет сделать... И вдруг засомневался. Только дальше он действовал по инерции и вряд ли сумел бы остановиться. Ну а мордovorот не ожидал и оказался совершенно незащищен. У него и в мыслях не было, что последнюю неделю покорная, уже смирившаяся жертва сумеет оказать сопротивление.

У мордovorота номер один лицо сделалось, словно без-

обидная мышка вдруг обернулась страшным драконом, когда черенок вошел... Андрею некогда было задумываться. И смотреть тоже времени не было. Номер два ругнулся громко и испуганно, он явно не понимал ситуацию, пошел на пленника. Кирпич!

Верещала какая-то дрянь на запястье номера один. На ватных ногах подошёл, наступил на запястье. Визг умолк. На мордоворота старался не смотреть. Скорее всего, уже мертв. Второй, которого кирпичом, лежал без движения. Никакого торжества свершившейся мести или боевого восторга Андрей не ощутил. Вытащил связку ключей у номера два из-за пазухи. Как во сне нашел нужный. С полу поднял свою кепку и запихнул в карман – нельзя, чтобы у них осталась хоть одна вещь пленника, а то выследят. Вдохнул глубоко – стучало в висках. Еще позавчерашние побои. Решился. Распахнул дверь.

Навалилось плотным месивом – звуки, запахи, яркий свет. Магия... Теперь чувствовал. Не ошибся. Тогда – пробормотал привычную формулу концентрации и "прыгнул". К себе домой. Хоть это и глупо, и ожидаемо. Если будет погоня...

Всё равно.

А погони не было.

Родной квартиры – тоже.

Была ослепительная белизна. Был холод. Такой, что сразу понял: декабрь. Начало или середина. Или вообще конец?

Сибирь. До горизонта – ни деревца. И ни намек на жильё. Куртка вельветовая, поскольку – это вспомнилось с трудом, как давно прочитанная сказка – тогда был ноябрь, начало, и снег еще не лег. Слякоть и лужи, грязь, редкие снежинки даже до земли не долетают. Градусов пять ниже нуля. Жара почти. Вспомнилось – и тут же забылось за паникой. Должен был быть дом. Дома тепло, стоит собственный барьер, есть еда, оттуда можно дозвониться до друзей и попытаться понять, что происходит. Переждать угрозу. Почувствовать себя в безопасности. Помыться, в конце концов.

Вместо квартиры – вот эта белизна. Попробовал снова: формула концентрации, тщательное припоминание ориентировок. А прыжок... не состоялся. Может, всё дело в том, что после месяца плена не удастся точно вспомнить? Начнем сначала. Обои в спальне, по совместительству рабочем кабинете, зеленые с темно-золотым рисунком... ромбы... или квадраты? Квадраты, наверно... Стол – этакий аляповатый гигант из темного дерева. Дуб морёный. Шторы... Штор не помнил совсем. Черт побери, это бессмысленно! Вот абсурд! Не помнить собственного дома! Это ж надо быть таким клиническим идиотом! Глупо, глупо, до чего же глупо! Убил двух человек, чтобы замерзнуть на заснеженной пустоши. Сразу встало как в живую перед внутренним взором тот, номер один, которого ложкой. В конце концов, этот дуболом всего лишь исполнял свою работу. Второй, может быть, жив... Ни разу за всю свою жизнь не убивал. Ни разу...

Дом... дом родной... Ну, чуток еще! Господи, если ты всё-таки есть... помоги? Единственный раз, а? Трясущимися губами снова повторил формулу концентрации сил... А потом понял, что память тут ни при чем. Просто сил на прыжок уже не было. Закончились.

Расхохотался. Вдруг очень смешным показалось: сил оказалось точнехонько на один прыжок, и силы эти были растрачены так бездарно! Смех перешел в клекот и хрипы – холодно было. И все равно смешно. Идиот!

Огляделся. Белизна поникла вечером. В сером свете снег еле заметно поблескивает, а небо темно-серое. Руки в царапинах и ссадинах начинают неметь. Далеко впереди угадывается едва заметная черная полоска. Город? Наверно, город. Или деревня... Знать бы еще, где находишься... Знать бы...

Потом паника вдруг прошла. Уступила место некоему трезвому осознанию: "Скорее всего – не дойду. Замерзну. Но всё равно можно попробовать. Если очень повезет, кроха сил на разведение огня наскребётся. Ветки нужно найти. Погреться и добрести до города." Оказалось, что этой немудреной цели – найти ветки и развести огонь – на первое время достаточно, чтобы полностью занять сознание и больше не бояться. Глубже запахнул в куртку, напялил осеннюю легкую кепку, поднял воротник, брюки заправил в носки, руки спрятал в карманы. И пошел в сторону темной полосы.

В следующий раз проснулась от хриплого телефонного звонка. Телефон в прихожей. И до него нужно было идти. Идти показалось непосильным трудом. Звонок мысленно послала к чертовой бабушке и вознамерилась спать дальше. Телефонные вопли не прекращались. Какого лешего?!

– Ох, твою же!...

Пока стремглав летела к телефону, вспомнилось и про лешего, и про вчерашнее, и про нынешний день недели. От и до. И еще про то, что мусор не вынесен – от запашка тошнило. И даже заранее догадалась, чей голос услышит в трубке.

– Алло? – там, в прихожей, над телефонной полкой висело зеркало. Мимоходом глянула на себя, подумала, что выглядит весьма паршиво.

– Алина! Алина Сергеевна, ты?! – пролаяли в трубку, по всей видимости, сглотив пару ругательств. Анатолий Петрович, прямой начальник. Суров, но справедлив. Если наорет, то только за дело и не прилюдно. Быстро вспыхивает, но и остывает тоже быстро. Доктор исторических наук. Один из лучших специалистов в области сибирских культур верхнего палеолита. Терпеть не может нарушения дисциплины. Господи...

– Я, Анатолий Петрович... – договорить про то, что, к сожалению, не сумеет прийти сегодня на работу, поскольку прихворнула и сейчас собирается к врачу, не дали.

– Алина! Это что за безобразие?! Ты где шляешься?! Тут

из универа студентов привезли, им нужно показать экспозицию и прочесть лекцию по железному веку в Сибири! И вот они стоят у меня под дверью и их тридцать человек! И что мне с ними делать? У них есть два часа, после чего их увезут обратно! У них на дорогу три часа ушло! Где ты шляешься?! Пропала?! – вспомнила, что Анатолий Петрович по гороскопу, кажется, дракон... Вот уж воистину.

Вчерашнее приключение вдруг стало казаться не таким уж и значительным. Ну, подумаешь, пантера... Плечо поцарапала... Может, и показалось вообще! С кем не бывает? Тыфу! Может, и не нужно ни к какому врачу? Бросила в зеркало внимательный, испытующий взгляд. Если замазать круги под глазами тональным кремом, да румян немного... В прихожей было темно, но прекрасно различила и нездоровый желтоватый оттенок кожи, и синеватые собственные губы. Тогда еще помаду... А потом разглядела такое, отчего закружилась голова и затошнило сильнее. И поняла, что на работу точно не пойдет. И к врачу тоже. И вообще никуда не пойдет. Сошла с ума. Точно сошла с ума!

Не своим, чужим и придушенным голосом пошептала:
– Анатолий Петрович... Я очень сильно... заболела. Я не могу прийти. Я... я...

И бросила в трубку. С губами всё было в порядке. И с носом тоже. Даже бледность – ничего. Тональник... толстый слой... Тонну румян... Ничего, сойдет...

Только с нормального, привычного лица на Алину смот-

рели желтые кошачьи глаза с вертикальными остренькими зрачками.

Она пошла в ванную комнату, там больше зеркало и ярче свет. Закусила губу и снова заглянула... Ничего не изменилось. Желтые глаза. Вертикальные зрачки. Телефон опять разрывался, только Алине не было больше до этого никакого дела. Сползла на холодный кафельный пол, сжалась в комок. Сидела, тихонько всхлипывая и подвывая. Потом поднялась и снова посмотрела в зеркало. То же самое. Глаза оставались желтыми, как старые фонари. Захотела позвонить Кольке. Испугалась. Что же это такое?! Это не гепатит. Там тоже глаза желтеют, но зрачки остаются нормальными. Что за бред?! Вчера поцарапала пантера. У пантеры тоже глаза были желтые глаза. Был такой фильм с Алеком Болдуином, "Люди-кошки". Там девушка была...

Что-то еще важное упустила. Поняла – плечо не болело больше. Осторожно отодрала пластырь и долго тупо разглядывала розовую полосочку шрама. Так мог бы выглядеть порез месячной давности. К врачу идти теперь уже в любом случае несколько поздновато.

Дрожь прошла.

На работу нельзя. Несмотря на тридцать человек студентов, которые жаждут в течение ближайших двух часов услышать про железный век. Телефон звенеть перестал. И, кстати, голова больше не болела. Тошнота опозналась как сводящий желудок голод. С кухни пахло мясом. Продолжало тря-

сти, но есть хотелось сильней.

Из духовки достала вчерашнюю недожаренную курицу. С нее еще стекал красный жирный сок. Дожарить? Нет, есть определенно хотелось сильней. Сильней и сильней...

Андрей

Зубы давно уже перестали выбивать дробь. Пальцев ног не чувствовал. Корка подшившей ссадины на плече стесалась и под рубашкой кровило. Кружилась голова. Был пролесок... один... Но там негде было наломать веток. Только высокие сосны, голые почти до самых верхушек. А снег лежит такой толстый, что выковыривать из-под него хвою и шишки бессмысленно. До второго пролеска еще минут десять идти. Последний час Андрей разговаривал с коллегой "по цеху" Эсташем. Мысленно, конечно, и с воображаемым Эсташем, который никогда, в общем, особо хорошо по-русски не говорил. И особо близким другом тоже не был. Почему выбрал его собеседником, и сам не знал... Почему не приятеля Валерку? Не подругу Анабель? Почему не отца?

– Что, Эсташ, случалось тебе в такое дерьмо вляпаться?

Возможно, случалось... Эсташ ничего не отвечал, только таинственно хмыкал, собирая у черных сицилийских глаз морщинки намека. Невысокий, легкокоственный, с манерами какого-нибудь пиратствующего дворянина из романов Сабатини, явно потрепанный жизнью, он мог вляпаться и в худ-

шее. И выходил живым.

– А я вот, представь, и не знаю, что теперь делать... Я пару раз в пионерском лагере бывал и однажды в выезде на два дня. Всё. Я вообще не умею костер разводить. Но это чушь, конечно... Чушь... Я не знаю, что мне делать дальше... Кто меня заказал? Не ты ли? Что мы с тобой могли не поделить? Нет, вряд ли. Ты слишком далеко и ты слишком хорошо ко мне относишься. Тебе легче. У тебя небольшой замок в Ильде-Франс и гарантированный доход. А я вот сижу... в своем... Урюпинске, блин, и черт знает, когда теперь уеду отсюда. Думал, ненадолго приехал, только отдохнуть от суеты и последних событий... Ну, ты помнишь... И застрял. У нас, знаешь... жизнь засасывает... как болото...

Эсташ молчал. Никак не прокомментировал. Холодная пустота вокруг тоже молчала.

– Ты мне скажи, я хоть правильно иду? Впрочем, откуда тебе знать...

Пальцев ног уже, кажется, не было. Бледное декабрьское солнце зашло за далекую темную полосу предполагаемого города. Осталось только светло-желтое, как сливочное масло, сияние на полнеба. Но и оно быстро таяло. Странно, но, кажется, потеплело...

Когда в следующий раз свалился в снег, прикосновения холодной твердой корочки ко лбу показалось даже приятным... Утолил жажду тем же снегом. Что-то подсказывало, что тут уж не до боязни дизентерии и прочей пакости – тут

бы до города дотянуть.

Позже он уже и про Эсташа забыл, и про то, что ищет ветки на костер. В темноте показалось, что за спиной разговаривают люди. Как будто обсуждают какой-то ремонт... Обернулся – никого не было.

Еще позже явственно различил силуэт одинокого домишки с длинной трубой, рванул к нему, как сумасшедший, завяз в снегу, упал, когда поднялся – домик уже исчез. Или еще вот... Шум мотора застрявшего автомобиля.

Сначала Андрей всё раздумывал над тем, не сошел ли с ума, потом перестал заморачиваться по таким мелочам.

Было и холодно, и жарко одновременно.

Было темно. Уже не видел дальней полоски, как ни приглядывался. Зато плясали перед глазами красные крохотные искорки, и, кажется, уже потерял и верное направление, и последние капли способности мыслить.

– Знаешь, Эсташ, у нас, конечно, профиль один и тот же... Но, черт, ты в Сибири не жил... Хорошо тебе там в твоей Франции, тепло, светло и мухи не кусают... А у нас...

Давно казалось, что за спиной кто-то есть. Оборачивался – только темнота. Луна опять спряталась в облака, вертелся в воздухе мелкий снежок, признак грядущего потепления...

– У нас глушь...

Ноги подкосились... В сугробе было тепло и сонно... Чуть-чуть полежать и дальше идти...

Сидела на кухне за столом в полной прострации. Только что съела ту несчастную курицу, что так и не запекла толком вчера. Целиком. Даже погрызла косточки. А планировала растянуть ее до понедельника, до зарплаты. Съела. И продолжала испытывать голод. В кошельке есть четыреста рублей, отложенные на покупку молока и давно предвкушаемой книги по "неолитическим венерам"*. Теперь книга не казалась такой уж привлекательной.

Достала старый пуховик. Пах пылью и китайским рынком. Выглянуло солнце, неприятно резануло глаза. Поглядела снова в зеркало, уже без истерик. Нашла солнцезащитные очки. Ох, и будут глазеть прохожие на странную девицу в глухих черных очках посреди зимы! Взяла последние деньги, еще подумала, что если всё потратить, то три дня есть будет нечего.

Впрочем...

Алина внутренне пожалала плечами. Сейчас ей было плевать на весь мир. Голод заслонил собой все иные чувства.

На улице еще похолодало, несло вонью с соседней котельной, от помойки тянуло гнилью, прошедшая мимо женщина зацепила шлейфом пота сквозь духи "Альгамбра", кинула подозрительный взгляд на бледную девицу в стареньком черном пуховике и солнцезащитных очках.

«неолитическая венера» – скульптурное изображение богини плодородия эпохи неолита.

В магазине народу было – яблоку негде упасть. Запах цитруса поверх стойкого, неистребимого амбрэ подпорченного товара из подсобки. Перегар от мужика в другом конце торгового зала. У женщины в очереди "эти" дни. На прилавке красивое, красное, относительно свежее мясо. Лежало дня два, не больше... Сглотнула слюну.

– Вам чего, девушка? – с легким наносом брезгливости окликнула продавщица. Приняла за наркоманку, наверно.

– Говядины... Вот этот кусок... По сто семьдесят... Ага... Продавщица была неопределенная, толстая, как свинья, на шее у нее, под складками подбородков, чувствовалась жилка артерии... Хотелось есть...

– Триста восемьдесят шесть рублей с Вас.
Ну вот и агакнулась книжка.
Не жалела. До дома еле дотерпела. Какое-то помутнение рассудка...

Липкие от крови руки.
Теперь спать.
И был день, громко трезвонили в дверь... И был вечер... Тихо. И была, наверно, ночь...

... И если вам уже двадцать пять, если вы получили-та-

ки неплохое образование, если привыкли и обжились на новом месте, если чувствуете в себе такую силу, что можно бы горы свернуть, наверно, несколько досадно быть вечной отцовской тенью? Хочется своего, заслуженного, хочется сказать всем: «Вот он я каков, видали?» И чтобы не как всегда: «А, так это младший Шаговский!». Не младший. Просто Андрей Шаговский. И тогда начинаешь пробовать себя. А так ли велика силушка? А если не горы свернуть, а чего помельче? А свою антикварную лавку открыть? И чтобы без оглядки на отца? Но нет, фамилия, она и есть фамилия. Шаговский-младший. Мальчик, позови папу.

И если вы достаточно настойчивы – а силушка-то кипит! – то вы решаете, что тесно вам в Польше. И пробуете, пробуете, пробуете... В Туманном Альбионе пытаетесь втиснуться меж родов, еще с Вильгельмом Завоевателем пришедших, но здесь вас не ждут. Здесь вы разве что управляющим... Хотите? Нет, мальчиком на побегушках вам быть уже надоело. В соседней Латвии вас не любят. Да и не нужен там ваш магический антиквариат. Вы прощупываете почву в Румынии. Нет, местным только вампиры и интересны. Они живут этими вампирами. ...А вот, поглядите, зуб самого Графа Влада! Тот самый, который Граф вонзал в лебяжьи шейки невинных жертв! (* Граф Владислав III Цепеш по прозвищу Дракула) ... Ах, не зуб? Может, есть осиновые колы? Ну хоть что-нибудь против вампиров! Нет? Тогда извините, это предложение нас не интересует...

Потом еще Венгрия. Но там даже труднее, чем у англичан. В Венгрии коллекционеров мало, а магов еще меньше. Слишком уж активно их истребляли во время «охот на ведьм».

И вот ваша кипучая жажда самостоятельности возвращает вас на историческую родину. На родине в это время по безглаговому определению отца «дикость и варварство». Но ведь вашей силушке все нипочем!

И вот она, Сибирь. Официально – уехал младший Шаговский отдохнуть на годик. Неофициально: птенец расправляет крылья. Земли новые – *tabula rasa* *. (Цитата из рок-оперы «Юнона и авось». *Tabula rasa* – букв., «чистая доска» (лат.))

И вот результат: ледяная пустошь. Снег. Хорошо лежать, глядя в небо. Небо высокое, красивое. Темно-синее и все в булабочных головках звезд... И медленно, мягко подступает оцепенелый сон...

Нет. Надо идти. Куда? И зачем?

Алина

Глухо, глухо стонал ветер в водосточной трубе. Громко вздрогнул воздух, когда где-то далеко захрустел фейерверк. Окурок, затушенный примерно полчаса назад, заставил чихнуть. Снег источал неправильный бензиновый яд. Аккуратно, подворотнями и длинными тенями стен и лысых кустов, избегая резких пятен вокруг фонарных столбов, ловко про-

сачиваясь сквозь дыры в заборах и щели между гаражами, целеустремленно бежала туда, где будет свободней дышать.

По перекрестку Первого Мая и Ленина прокралась опасно, часто пригибая к земле. Здесь везде пахло человеком. На окраине, за высокими трубами химзавода, стало спокойней. Правда, манил частный сектор с его стойкими аппетитными ароматами живой крольчатины и глупых теплых куриц. Но запах псины предостерегал. С трудом преодолела искушение. Тем более, пока еще в крови говорил не голод, а только охотничий азарт.

И новизна... Непривычно-будоражающая, захватывающая, упоительная, какой в жизни не испытывала. За городом отпустила себя окончательно. Каталась в снегу, вынюхивала следы, откуда-то зная всё – когда, кто, куда... из любопытства проследила лисицу до норы, но, конечно, лезть не стала... Набрела на унылый домишко, в котором летом живут археологи. Помнила: сама здесь когда-то месяцами хозяйничала. Помнила, но уже смутно, без интереса и веры. Попугала тетеревов, но поймать не успела ни одного. Пока еще никак не могла привыкнуть к своему новому телу. Раньше... центр тяжести был в другом месте. Раньше. Когда жизнь была тусклой и неинтересной. Раньше, когда один день подходил на другой, и цепко держали клетки условностей.

Теперь же жизнь, высвобожденная и сочная, плескала через край. И вся, от колючих и вкусных снежинок до хруста под лапами, принадлежала ей. И делать с ней теперь можно

было что в голову взбредет. Можно всё! И сразу.

Сказала себе, что не хочет ничего помнить – и прошлое перестало существовать. Лопнуло, как мыльный пузырь, взвилось легким снежком и осело в ближайший сугроб. А весной и вовсе стает. Навсегда. Так легко. Над головой оскорбительно проухал филин, зашипела на старого для острстки. Тот только расхохотался: он высоко, его не достать. Тут же выкинула глупую птицу из головы. Еще поохотилась на тетеревов и опять не поймала ни одного. Новенькое тело, детски неловкое, промахивалось раз за разом. К этому времени снова проголодалась и решила в следующий раз уже не баловаться, а хватать, что первое попадется. Приникла носом к насту...

А попадались всё застарелые, почти выцветшие узоры запахов: то куропатка, то заяц, то сохатый... Ни одного свежего. Но до рассвета было еще далеко, в воздухе ощутимо теплело, шуршали могучие сосны. А потом нашлось непонятное. Вдруг из ниоткуда, словно бы из воздуха выпрыгнул, появились следы человека. Причем человек пах неприятно – грязью немытого тела, засохшей кровью и усталостью. Фыркнула, хотела бежать дальше, но любопытство пересилило. Принюхалась. Человек был болен, напуган и появился здесь примерно три часа назад. В таком состоянии он легкая добыча. Людей есть нельзя вроде, только забыла, почему. Просто нельзя. И всё-таки пошла по следу. Судя по всему, человек шёл медленно, местами встречались глубокие про-

лежины – укладывался отдыхать. Через какое-то время след окреп, уже не приходилось напрягаться, выискивая его среди других ярких ниточек и мазков. След человека сделался магистралью, по которой побежала теперь уже быстро и уверенно. Чувствовала – расстояние сокращается. Азарт преследования разгорелся заревом. Побежала уверенно. В брюхе заурчало.

Потом не следы – уже ветер принес отблеск человека, и глаза застило алое голодное и радостное возбуждение.

Рвать и терзать! Рычать, насакивать, тащить и волочь!

Поиграть, как кошка с мышью!

Пить теплое, вкусное, щедрое! Есть! Наконец-то утолить дикое и тяжелое, что поднимается из глубины! То, чего никак не сумел утолить съеденный где-то далеко кусок мертвого, холодного, несколько раз замороженного и размороженного мяса! Вместо мертвого – живое и трепещущее... Чуждый, но родной целиком, от когтей до кончика хвоста инстинкт. И плевать, что двуногих трогать нельзя. Они вкусные.

Радостно зарычала.

Человек – добыча – пища – первая охота! Близко. Еще ближе. Беззащитен...

Ну же!

Он даже сам упал. Свежая медная кровь.

Попытался подняться... Смешной. Как слепой кутенок.

Подобралась совсем близко. Ноги его не держат. Раненая

дичь.

Обошла кругом. Понюхала задумчиво воздух. Двunoгих есть нельзя. Вспомнила, почему. У них собаки. Большие, злые. Натравят собак, и полетят клочки по закоулочкам.

Вкусная кровавая дрань. Нет, в воздухе больше не пахло куропатками. А след кроля давно остыл и затерся. И тут нет собак, слишком далеко до человеческого жилья...

И прыгнула. Отбивается руками, дурной.

От меня уже теперь точно не уйдешь... Поиграем чуть-чуть... Хочешь? Даже не вскрикнул. Очень слаб? Так неинтересно. Ну! Играем!

Снег брызгами, медь запаха и весело, весело, весело!

И вдруг прошептал что-то. Что?!

И... словно бы удар под дых – воздух из легких вышибло. А кожу – по живому вывернули наизнанку. Уронило на землю. Закричала от боли, в этом крике меняясь, становясь другой... прежней...

Возвращаясь в себя.

Андрей

ПОДНЯТЬСЯ И ИДТИ

Андрей однажды со смешком написал в письме к одному приятелю из той же Франции, но, слава Богу, ладящему с русским настолько, чтобы понимать "тонкие" игры слов собеседника, что он, Андрей, если следовать терминологии одной небезызвестной писательницы, выходит "парнем, ко-

торый выжил". Это было еще лет шесть назад, после одного весьма рискованного эксперимента с артефактом из отцовской коллекции. Смешок при написании письма вышел нервный. Нет, Андрей знал, что в отличие от родителя, способностями в деле управления энергиями обладает весьма средними, если не сказать грубей. И ему было тогда всего двадцать – глупый возраст, когда считаешь себя взрослым как никогда больше в жизни, когда не сомневаешься абсолютно, когда рвешься реализовывать любую прибрешую в голову идею с энтузиазмом партийного агитатора. К тому же Андрей тогда только-только постигал теорию антикварно-магического дела, а хотел, конечно же, переходить к практике. Но – щелчок по носу. В двадцать лет чудес не случается. Еле выкарабкался после "отдачи". Исключительно благодаря упрямству. Не захотел умереть, раствориться в потоке обезумевшей энергии, а потом еще – карабкался и цеплялся за жизнь после полного, сокрушительного перенапряжения.

Только в Андрее, человеке по натуре скорее импульсивном, чем напористом, упрямству пробудиться было сложно. Нужно было доходить до края и даже чуть дальше. А сейчас, когда пригрелся, когда перестали болеть ссадины и порезы, просто забыл, зачем и куда шёл. Края не заметил. Сколько провел в снегу, не знал и знать не хотел... Утром на реке... вот, пожалуй, единственное хорошее в Заречье, прости, Господи, так это река... Утром, когда жара еще не поднялась, когда город спит, когда далеко-далеко кричат ранние пету-

хи, а туман стелется по речной пойме – хорошо. Клубится и течет длинным молочным потоком... Встань и иди!... да, река... Встань и иди, если хочешь еще хоть раз реку увидеть! Твою ж... дивизию!..

Вздрогнул как от удара и как-то разом очнулся. Почудилось, отец тормозит, как тормозил по утрам давно. Много лет назад... Вставай, пора в школу, Андрюша. Ну, поднимайся!... С трудом сел, огляделся. Переохлаждение, конечно. Вот уже галлюцинации полезли. Вяло подумал, что слишком уж яркие галлюцинации – и река, и отец над ухом, и... совсем уж фантастическое зрелище – пантер на снегу когда-нибудь видели?

Поднялся на ноги, шатаясь, как пьяный. Бегущая навстречу угольно-черная пантера действительно смотрелась фантастично в слабом лунном свечении. Красивая, черно-гибкая на лунной белизне. Зло ощерилась и свернула глазищами, совсем как в передаче про животных. А потом прыгнула.

И тут же понял, что не галлюцинация. Тяжелые лапы, ошестиненные когтями, упали на грудь, вталкивая в снег. Настолько неожиданно случилось, что и вскрикнуть не успел. Острые зубы клацнули в сантиметрах от лица, обдало теплым и прелым дыханием. Пантера в Сибири... Реки не увидеть. Пантера... Шевельнулось в памяти поверх недоумения – пантера! Не может быть!

Рефлекс сработал раньше понимания. Отец натаскивал

хорошо.

– Apage, bestia! – выкрикнул вместе с последними каплями таким трудом накопленной энергии.

Хватило. Даже более чем. На оборотней всегда безотказно действует. А это оборотень. Точно. Пантера. Формула изгнания звериной ипостаси.

Оборотень захрипел, откатываясь, забился в конвульсиях, поплыл рябью, задрожал. В следующее мгновение на снегу лежала девушка. Дышала взхлеб, тряслась крупно, как в припадке. Сил удивляться не было, отметил про себя, что оборотница должна быть неопытная, молодая, если обычная смена облика сумела настолько вывести её из равновесия. Матерый оборотень смены мог и не заметить, если очень хотел убить. А эта как упала, так и всё, иссяк запал. Поймал себя на том, что вдруг забеспокоился – всё ли с недавней злоумышленницей в порядке. Но так как день был безумный с самого начала, смело окликнул:

– Оборотень? Ты там живая? – вышло до смешного несолидно и слабо.

Девушка села. Стало видно, что у нее длинные волосы – спутавшийся темный клубок, глаза желтые, пантерьи, лицо худое, скуластое, остренькое и очень бледное. В целом симпатичное, только глаза эти... На щеке царапина. Сама в синих джинсах и пушистом сером свитере.

– Я... я не... я не оборот-тень! – зубы девушки-пантеры застучали пуще прежнего, она всхлипнула и больше ничего

не сказала.

– А кто тогда? – ничего ехидного, остроумного или мудрого в голову не шло. Только усталость. – И зачем нападала?

Та охнула, подскочила, полезла суетливо, зачем-то потянула за руку:

– Я... я не хотела! Давайте, я Вам встать помогу, ладно? Я просто... Я не могла... Я... Алина Алина Сергеевна Ковалева. Археолог. Я... ох...

Она очень старалась. Тянула за руку так, что конечность оторвалась бы, будь она «прилажена» похуже. Только вставать Андрей не хотел.

– Да вставайте же! Я Вас ранила? Поцарапала? Сильно?!

Голос у оборотня-археолога оказался резкий, хриплый, как раз такой, какой и должен быть у только что обернувшегося зооморфа. Всё остальное – совсем не как у оборотня. Никогда еще на памяти Андрея оборотни не помогали своим несостоявшимся жертвам, никогда не тряслись как в лихорадке. Осенило.

– погоди. Ты – новообращенная?!

– Я – что?! – Воззрилась с непониманием и удивлением, но руки не отпустила.

– Где твой учитель, оборотень? Ты потеряла контроль и сбежала от него?

Замерла. Руку отпустила. Обессиленно прилег обратно. Всё, дальше двигаться не мог. Даже и не просите.

– Я не понимаю, о чем вы говорите! Я не сбежала, я про-

сто...

– Так, погоди... – звенела ночь. Звоном же отдавало в голове. – Когда ты... стала оборотнем?

– Понимаете, я не оборотень, вы что-то путаете. На меня напали. Вчера. Мужчина. Превратился в пантеру и поцарапал.

– Ясно... Первая... стадия трансформации. Если у тебя нет... учителя, в город не ходи... Поубиваешь людей, тебя пристрелят... Здесь у тебя есть шанс выжить...

Каждое последующее слово давалось сложнее предыдущего. Высоко над головой тряслось рваное полотно неба.

– А ... вы? Вам нужно в город, вы замёрзнете...

– Не знаю, сможешь ли ты сохранить разум... но пантерой... тоже неплохо... Голодом не помрешь... только к людям не ходи...

– Господи, вы же совсем замерзли. Вы же погибнете, вы...

– Слышишь, будешь пантерой, если учителя нет... в город не ходи...

Перепутал, с кем разговаривает... Знал одного зооморфа. Но у того контроль был хороший. Валерка-волк. Рассказывал, как его "дрессировали" после обращения. Жутко. Но иначе нельзя. Зверь в сознании всегда сильнее человека.

– Дрессировать надо... Чтоб человеком быть... дрессировать... Ты хочешь... остаться человеком, оборотень?

Глаза – желтые, дрожащие слезами, очень яркие – близко. В них – тоска и безумие.

– Хочу, очень хочу. Помогите мне... Пожалуйста... Я не хочу пантерой! Я археолог!

Облик начинает течь, меняться...

– Терпи. Возьми себя в руки.

– Поднимайтесь! Вы замерзнете! Идемте! Тут есть домик!

– В город тебе нельзя...

– Не город! Там сейчас пусто! Археологи здесь на выездах летом... Сейчас пусто... Ну, вставайте же!

– Пусти, оборотень... Оставь в покое...

– Идемте. Пожалуйста.

Ночь дрожала морозом, плыла паром с горячих, обметенных усталостью и болью губ, топила и засасывала в снегу, как в болоте, чужим голосом уговаривала, потом подпирала плечом, потом волокла, а потом заставила предпринять последний рывок – через порог в темноту и сырой запах погреба. И угасла, как кинолента при смене сцены.

Алина

Мужчина обнаружился замороченный * (диалектное: находящийся в полуобморочном состоянии). В темноте плохо видно, но губы точно разбитые, еле шевелятся, и дышит через раз. Как он забрел так далеко, не понимала определенно. И о чем он говорил, тоже не понимала – какой-то учитель, какое-то обращение... Похоже, у мужчины горячка. Ему к врачу надо, руки ледяные, вообще сам весь замороженный,

что полуфабрикат в морозилке, на снегу как минимум два часа, города он не дойдет. Двенадцать километров... Слишком легко одет... Замерзнет совсем.

Кстати, на самой только домашние джинсы и старый свитерок, но не холодно, черт возьми, не холодно! Задумываться было некогда, хотелось есть... Дико, безумно. Снова испугалась – мужчина был вкусный. Больной, но сойдет. Господи-Господи-Господи... Этот, найденный который, кажется, всё понял, хоть и совсем шальной.

– Дрессировать надо... Чтоб человеком быть... дрессировать... Ты хочешь... остаться человеком, оборотень? – шепчет тихо, не разобрать почти.

– Хочу, очень хочу! Помогите мне... Пожалуйста... Я не хочу пантерой! Я археолог! – во рту голодное предвкушение – еда близко, очень хочется есть. Хочется крови и свежего, сладкого мяса.

– Терпи... Возьми себя в руки, – шевелятся черные в темноте, страшные губы, а глаза у него пустые. "Помрет, – проносится в голове. – Как пить дать – помрет!". И трезвое, холодное, заглушающее жалость: "Он должен жить. Хоть сколько-то. Должен помочь! Должен объяснить! Рассказать, что знает!"

– Поднимайтесь! – пихнула. Грубо, почти зло, заставив зашипеть и широко распахнуть глаза. Какого цвета глаза, не разберешь, да и не важно. – Вы замерзнете! Идемте! Тут есть домик!

Потом уговаривала, почти плакала, закусила губу, но сделала только хуже: собственная кровь разожгла аппетит, раздражила своей солоноватостью. Волокла волоком, била по щекам, и даже не удивительно, что не заблудилась в ночи – лес стал вдруг понятным, как собственная квартира, по которой ночью наощупь бредешь попить водички. Совсем не темно, снег переливается всеми оттенками серебра и ртути, плетутся в ровные, ясные строчки лесной жизни следы. А жизнь в лесу и ночью – ключом. Шорохи, почти незаметные промельки, то там, то здесь обвалившийся с веток белый пушок, и кто-то тихо, старательно завывает. И запахи... от их яркости даже подташнивает временами. Или это от голода? Подводит желудок... Мутится в голове – хочется упасть на четвереньки и... Только и держит дальнее эхо: "Терпи!"

И ведь довела!

Дом стоял совсем такой, как и помнила: серо-зеленый, с облупившейся краской и заколоченными на зиму ставнями, чуть кривоватой невысокой трубой – внутри "буржуйка", если не утащили любители пошарить в чужом хозяйстве. Если опять же не утащили, должно быть немного дров в коробе в углу. Ну и в подполе – спрятаны в тряпье чугунок, чайник, сколько-то мисок и кружек, свечи... Собственноручно всё это прятала, когда в сентябре прошлого года группа уезжала с раскопа в город с пятью ящиками черепков и прочей ценной рухляди в «прекрасном состоянии». Сама проверила, всё ли припрятано, сама заложила засов на двери.

Замок не навешивали – бессмысленная затея. Обычно тут не воруют, местные говорят, плохое место, проклятое. Ходят байки, что когда-то здесь кого-то в жертву принесли, с тех пор неприкаянный дух страдальца бродит по окрестностям, предвещая болезни и смерть. Впрочем, за пять лет работы на раскопе «Старовск-1» ни одного призрака Алина так и не обнаружила. Глупости. Зато и не воровали из домика на ее памяти ни разу. Да и с площадки не таскают, если и случится телефон или дорогуший фотоаппарат оставить. Вот и сейчас всё цело.

Заволокла свою "добычу" внутрь, устало выдохнула. Пахло остро, резко, затхло, слегка затошнило... Опять же без удивления отметила, что раньше не замечала за собой склонности чуть ли не на себе таскать мужчин приличного роста и веса. "Добыча" легла на пол в полном бессилии, вяло хватая воздух ртом и даже не пробуя подняться. Решила, что это даже и к лучшему, под ногами болтаться не будет. Быстро пробежала по комнате, пошарила в коробе, нашла на дне спички. Всего три коробка. Кое-как, трясущимися руками, развела огонь в печке, зажгла свечу. Хорошо, когда всё под рукой. Потом сбегала в подпол, притащила посуды и тряпья, и только после занялась отысканным в лесу мужчиной.

– Эй, встать можете? Тут койка есть... Давайте... осторожно... Сейчас уже согреетесь...

Стянула с него, не сопротивляющегося и вряд ли осознающего происходящее, куртку. Попыталась растереть ступни,

жаль, спирта нет. Раздражал запах грязного тела... Поглядела под рубашкой – целая россыпь ссадин и синяков. Лило-вые ребра и ощупывать не стала – всё равно не разбирается в этом. Тут совершенно точно ничем не могла помочь. Но, судя по виду, могла предположить – били ногами. Поёжилась. Набросала на него тряпья, койку сдвинула ближе к печке. Сейчас бы ему еще чаю горячего...

– Иди... охоться... – прошелестел. – Оборотень должен... охотиться...

Значит, что-то еще понимает.

– Позже. Не могу вас оставить. Расскажите лучше мне про оборотней, а? Можете сейчас? А я воды нагрею, каких-нибудь травок заварю.

– Иди охотиться, оборотень... – с трудом перевернулся на бок, застонал, ощупывая непослушными руками свои лицо, рёбра, колени. Щеки у него были влажные, впалые. – Оттаиваю... Больно, зараза... Тебе нужна свежая кровь... Иначе совсем... крышу снесет... на меня кинешься...

Сглотнула. В самую точку. Терпеть уже сил нет. Он прав. Только он же на ладан, кажется, дышит. Его нужно напоить, согреть, чем-то покормить. Непонятно только, чем. И он сам холодный, а лоб горячий. Тут ни одной таблетки аспирина совершенно точно нет – аптечку здесь на зиму не оставляют.

– Но вы как же?

– Мне ...будет лучше спокойно лежать,... чем попасть тебе на зубы, оборотень... Уходи... Если точно хочешь

помочь, принеси мяты, толокнянки, тысячелистника, шалфея... чего-нибудь... и жратвы... чего сама поймашь... мне хоть косточку. Не ел сегодня...

Швыркнул носом, размазал по щекам то ли слезы, то ли истаявший снег, закрыл глаза и задышал часто и тяжело. Только сейчас увидела, что он довольно симпатичен несмотря на измученную бледность. Правильные черты лица, красивой лепки голова. Интересно, какого цвета глаза?...

И он был чертовски прав. Он сейчас самая легкая добыча для неопытной пантеры. Кость перед смертельно голодным животным. Накидала на него еще тряпок, спросила, не хочет ли пить. Отказался.

Хотела спросить, как снова сделаться черной кошкой, но только резануло сытным запахом крови, сама всё поняла. Бросилась к порогу, не оглядываясь, утонула в черной снежной ночи, опять забылась и растворилась в новых запахах, цветах и звуках.

За спиной осталась распахнутая дверь и теплый оранжевый свет в проеме.

Впереди... О том, что будет дальше, она не задумалась. Пантеры не привыкли задумываться о будущем.

Переполох вторгся в кабинет руганью и тяжелым топотом ног.

Человек поднял голову от бумаг. Досадливо поморщился. – Можно? – сунулась в дверь встрепанная голова.

– Можно. Что там? – мужчина устало откинулся в кресле и оглядел вошедшего с раздражением и нехорошими предчувствиями. Вошедший оказался мужчиной лет тридцати и внешности притом настолько несолидной, что воспринимать его всерьез не удавалось при всем старании. Огненно-рыжий, вечно встрепанный, всегда в этих своих вытянутых на локтях вязанных свитерах... Сегодня он был встрепан больше обычного.

– Сбежал. Маг сбежал. Кокнул охрану и сбежал, – на одном дыхании выпалил рыжий.

– Кокнул? Голыми руками? Или пробил барьер?

– Никакой магии. Черенком ложки и кирпичом.

– Умелец... Надо же. Антиквары нынче пошли... кроваж-
дадные. Ищете?

– Ищем. Как сквозь землю провалился. Или помер. Вот нет его и всё, – рыжий робко пожал плечами. Сейчас, очевидно, он прикидывал масштабы грядущего начальственного гнева и вытекающие из этого гнева ущербы.

– По вещам выследить не пробовали?

– Он, зараза, ничего не оставил, все с собой утащил.

– Ну и пес с ним.

Рыжий встрепенулся.

– Не искать?

– Нет. Возможно, он уже «выгорел» и как маг нам бесполезен. Или действительно помер от истощения. А если не помер, то точно укатит к папочке. И искать мы его тогда бу-

дем до скончания века. Жаль, конечно. Ну да ладно. Им нас все равно не найти. Нет, он не опасен. Для порядка еще пару дней поищите, а потом сворачивайте.

– Хорошо. Я сейчас скажу.

– Да, а ты ко мне загляни еще вечером, поговорим ...

Глава 3. Сны и яви

БЫЛИЧКА

...А еще Витька рассказывал, ну тот, помните, который в первой своей археологичке спяну на березу залез, а слезть не смог.... Так вот, говорит, на первом раскопе чертовщина всякая творится. Говорит, местные вообще близко к нему не подходят, даже клюкву там рядышком не собирают. Проклятым местом называют. Темный люд, что с них взять. У них телевизор-то только по великим праздникам показывает, а телефон у фельдшерицы, через раз до города дозвониться можно, даже если человек помирает. Места – непролазные. И еще вроде как рано утром в тумане на реке можно увидеть фигуру такую в белом и еще звуки выстрелов. Девчонки как-то видели или сочиняют просто. Два выезда там жил, ни разу не застал. Хотя кто их знает...

Как могильник обнаружили, вообще целая история, кстати. Там раньше поле картофельное устроить хотели, а до этого пастбище было. Потом скота мало стало, и кризис как раз – нарезали землю да по дворам распределили. Ну и вот. Начали землю вскапывать на том участке, что к Ырташу ближе всего, камни, не камни, а мешает что-то. Достают – череп. Человеческий. Сначала заявлять в милицию не стали, думали, уголовщина какая, времена лихие. Мало ли, вдруг

какие "разборки" случились, здесь в глуши и прикопали. А милиция, знамо дело, разбирать не станет, дело сошьет и того же, кто труп нашел, за решетку упечет. Никаких мотивов не нужно. В общем, смолчали. А потом этих черепов из земли полезло – как слизней с капусты. И все как один – с пробитыми затылками. А вместе с черепами и прочие кости. Пока поле вскопали, чуть не поседели. В милицию опять не сказали, а вот сельчане собрались, посовещались, кто еще там историю хоть как-то учил, вспомнили – во время "триумфального шествия Революции по стране" здесь белых целыми пачками расстреливали и вроде в реке топили. Решили – те самые. За семьдесят лет река обмелела порядком, вот трупы и оказались в почве. А там как раз реабилитация репрессированных, молодежь лазит по болотам, под эту гребенку и заявили в какое-то местное общество любителей истории. Ну а те уже к нам. Посмотрели – никакие не белые, чушь, не могла река так обмелеть, что в трехстах метрах от поймы останки находят. Выяснилось – могильник. Скорее всего, пленных или рабов убивали и сюда скидывали. И явно не в начале двадцатого века, а раньше – гораздо раньше. Только откуда? На следующий сезон и само городище обнаружили. Которое теперь – второй раскоп.

Так вот, Виталька рассказывал, что когда могильник только нашли, за ориентиры взяли валуны такие большие, в первом же горизонте обнаружившиеся. Это, видимо, насыпь была над захоронением века этак пятого-шестого, уже нашей

эры. Так вот, чертовщина тут и пошла – каждый год приезжают, и каждый год по разному всё измеряется. То у них могила воина номер три в пяти метрах сорока двух сантиметрах от крайнего валуна, а то – уже в шести. И так каждый год. То на полметра отъедут, то опять обратно встанут. Словно валуны эти двигает кто-то. Версий было – тьма. От бредовых, типа летающей тарелки и лешего, который над людьми издевается, до сейсмической активности, вроде как район неспокойный, вот и катает камешки туда-сюда. Да нет, как же это – в Сибири и сейсмоактивность? Чудеса.

В общем, с дивом этим четыре года разбирались, под конец немцы даже приезжали со своей аппаратурой – не сходится, и всё. Не совпадают данные первого замера с данным ихней хитрой хрени! Потом еще сектанты какие-то лазили по холмам и оврагам, гремели консервными банками и бубнами, песни пели. Как полагается, "просветлились", поговорили с "духами", сообщили, от местных понахватавшись, что могильник проклят, и укатали обратно в город. Постепенно шум утих, как раз двухголовые бычки у кого-то родились. Забыли про раскоп уже к осени. Ну а наши работают помаленьку, ящиками черепки и скелеты в музей увозят – это только еще первые горизонты на два штыка! Еще через год кабинетные начали обрабатывать собранное, повызывали все ящики, и тут одного, кажется, Волкова Лёньку, осенило – а ящики-то все сплошь из-под водки! Все до одного! Даже пробы почв в бутылки из-под нее, родимой, упаково-

ваны! А мелочевка типа крошева глиняного – по баночкам из-под "четушек" распихана! Причем сивухой от черепков за километр несет! Не ополоснули даже емкости, когда упаковывали! Опаньки! Вот так накосячили, умники проспиртованные!

Ржали всем музеем. Ржали долго – все то время, пока разбирали и мыли находки. И еще после, когда уже растащили их на кандидатские и прочие научные работы. Валуны у них двигаются! По раскопу прям табунами бродят! Овечки, блин! Это ж надо так! Немцы еще с умным видом весь раскоп на животах оползали! Потом еще просили разрешения "русских коллег" на следующий год продолжить изучение "феномена"! Разрешили, кстати. Не скажешь же, что, дескать, извините, дорогие немецкие коллеги, мы тут сами с пьяного глазу облажались по полной и никакого феномена нет. Стыдно. К тому же немцы в эти исследования такую уйму денег вбухали – жуть! Еще потребуют компенсации, с них станется...

Мораль отсюда, господа, такая – пить на выезде меньше нужно во избежание конфуза. Или хотя бы закусывать – очень полезно всем нервнобольным и косоруким. И особенно товарищам, которые замеры делают, и еще тем, которые сверяют карты. А еще – поменьше болтать на пьяную голову...

...Так вот, выпьем за то...

Андрей

Дальше был кошмар. Или нечто, кошмар напоминающее. Липкий сон, который наваливается прелым тюфяком и душит. Оборотница ушла, легко и плавно перетекла в свою звериную ипостась, черной тенью выскользнула из дома и растаяла в холоде. А дверь оставила нараспашку. Доплелся, закрыл. Постепенно отходили пальцы на ногах, их резало и кололо, пальцы на руках распухли, голова горела. Это жар. Собрать бы хоть сколько-то сил и попробовать связаться с приятелем или отцом. Отец, правда, очень далеко, его антикварный магазинчик в Гдыне, вряд ли "докричишься"... Остается надеяться, что или Виталька услышит, или удастся немного отлежаться и самому "прыгнуть" до дома. Или, если оборотень совсем не спятит, доползти до города на своих двоих. Там уже вызвонить помощь. Нет ли погони? Впрочем, в такой глуши и погоня? Маловероятно.

А оборотень – непонятная. Ведет себя как необученный новичок, но при всем том перетекает из ипостаси в ипостась так, словно бы зооморф от рождения. Впрочем, по глазам понял – застит их безумие едва дорвавшегося до живой крови зверя. И еще понял, что если сейчас оборотень возвратится с охоты без добычи, то добычей сделается он, Андрей. Хватит ли энергии на новое "арage"?

Главное, не прозевать момент, когда она появится...

Не прозевать...

Потолок в домике оказался грязный, подкопченный, тем-

но. Красное всё вокруг. Почему красное? Как кровь... Ах, да, это печка. Всё равно страшно, противно, тоскливо, жарко. Это температура. Ничего, перетерпим. Режет оттаявшие конечности...

В начале ноября перекупил у одного клиента две совершенно прелестные вещицы – амулеты удачи начала семнадцатого века, Южная Германия, работы кого-то из учеников Вигилянция Мудрого или даже самого Вигилянция – отец бы обзавидовался. Не успел показать. Бронза, литье, фирменный стиль – кулоны в виде фигурок львов дюймового размера. Энергии чуть, успели за века разрядиться, но энергия – дело наживное. Один можно выгодно продать, другой оставить для коллекции. Только сначала оказать отцу. Жарко... Отец далеко. Мать еще дальше. Вообще неизвестно, где... Интересно, кто-нибудь уже обнаружил пропажу антиквара Андрея Мирославовича Шаговского? Отец должен был уже давно заволноваться.

Жарко...

Скрипнула дверь. Длинно, тоскливо. Обдало холодом, потом теплым и влажным дыханием. Открыл глаза – она. Облизывается. Морда в крови. Но мало, мало ей. Она сейчас еще не насытилась убийствами, готова убивать всё, что шевелится. Не из-за голода, всего лишь инстинкт зверя.

Ударил по алчной морде наотмашь, сильно, как мог – так надо, оборотень должен знать хозяина. Не то, чтобы очень уж хотелось становиться ее хозяином. Просто не желал погибать

в когтях оборотня.

– Apage, bestia! – вложил всю волю и уверенность в латынь.

Она отшатывается, утекает.

Жарко...

Она, теперь уже девушка с темными волосами, плачет у кровати.

– Помогите мне... Я хочу быть человеком.

Я тоже хочу, чтобы она оставалась человеком, иначе мне не выжить. А жить хочется. Всего двадцать шесть лет.

– Баш на баш... Постараюсь помочь тебе... ты поможешь мне... выкарабкаться...

Думал, не поймет. Но всё поняла. Ушла. Стучала посудой. Потом теребила, заставила сесть, подсунула к губам кружку. Горячий чай в ней пах хвоей, мятой и чабрецом. Возможно, очень правильно, только вот подбор трав... Но выпил с жадностью.

– Есть хотите? Я вам бульона сварила, из тетерева. Будете?

– Буду...

Едва соленный и пахнет неприятно. И, в общем, не так уж и хочется... Всё равно выпил до дна по привычке последнего месяца – съедать всё, потому что в следующий раз могут и не покормить. Откинулся на койку. Тряпье воняет омерзительно. Но когда холодно, выбирать не приходится.

– У вас температура, знаете?

– Ага. Высокая?

– Не знаю, я не умею определять. Но, кажется, вы очень горячий. Вы остыли, наверно.

Чередование алого света и мазутных мазков теней на потолке.

– Отлежусь.

– Еще хотите есть? Я могу вам мяса дать. Или бульона?

– Потом...

Снились оборотни с длиннющими зубами и почему-то крыльями, они терзали прикованное к скале за какой-то надобностью несчастное тело Андрея Шаговского, рвали на клочки, клевали... Хохотали и выли... И вроде еще маячили какой-то факел, кто-то осуждающе хмыкал, но факел вроде был из другой оперы, так и не разобрался...

Алина

Страшно. Очень страшно, если вдуматься. Только вдуматься и оставалось. Когда, опустошенная, возвратилась – и в домик, и в себя – вместе возвратился и страх. Опять этот, который всё еще ощущается возможной "добычей", что-то прошептал, и снова шкуру содрало и вывернуло. В самый последний момент, когда уже забылось всё и вся. А в следующий раз его ведь с его странными и действенными словами может и не быть рядом. А я сама... не умею обратно... Испугалась за него. Он велел принести ему поесть – принесла. И еще он просил травы – траву пришлось выуживать из-под

снега, находить по запаху. Далеко от дома не отходила, поэтому нашла мало. Брала ту, что пахла подходяще. Не знала, будет ли толк. Но хоть чай. И еще бульон ему. Самой тоже продолжало хотеться есть – это ведь ненормально, что оно постоянно хочется? Только что вытерзала * (диалектн. сибир. охотнич. – разодрать и съесть) двух перепелок, белку и тетерею. Вторую ему.

Напоила горячим, крепко и остро пахнувшим чаем, бульоном – не очень вкусным, к тому же несоленым почти, поскольку соль нащлась на самом дне солонки, а больше и не было. И аптечки, конечно, тоже нет. Нет даже банальной зелени.

После бульона мужчина погрузился в беспокойный, тяжелый сон, в котором всё вздрагивал и постанывал, а Алина осталась в неверном свете оплывающей свечи одна. И наконец-то принялась приводить мысли в порядок. Как-то сразу сложилось в одну картинку – то ничего не понимала, осознавала урывками, а то раз – и кристальная ясность. Все бусинки – в одно ожерелье.

Тот мужчина был оборотнем. Не показалось. Поцарапал. Заразил... или как это называется? "Новообращенная", сказал спасенный мужчина... Кстати, так и не спросила, как его зовут. Проснется, не забыть узнать. В общем, Алина Сергеевна Ковалева теперь не только штатный археолог областного музея археологии и этнологии, но и оборотень. Кошка, кажется. Но с достоверностью знать не могла. И – тоже узнать у

мужчины. Нервный смешок. Такое только в фильмах встречала да в книжках любителя фэнтези Олега. Почему-то историки так равнодушны к этому жанру... Так вот, самой стать персонажем такого развлекательно-второсортного чтива? Неуютно сделалось в животе. Там, в тех книжках, оборотням полагалось или умирать от руки доблестного героя, или же присоединяться к славному боевому отряду этого героя, дабы идти спасать мир от Темного Властелина. Пока никакие герои не заявлялись... Разве что... Один вон спит на койке, пригрелся... Растрясти, выпросить, не герой ли? Только что-то не видать за плечами большого двуручного меча, даже завалящего палаша, да и разворот этих плеч не сказать, чтобы богатырский. Еще один нервный смешок. Не герой...

Только Алина, вопреки здравому смыслу, логике и полному неверию во всё потустороннее и сверхъестественное, всё-таки оборотень. Оборотень, он же вовкулак, волкодлак, вервольф, ликантроп – человек, умеющий обращаться в животное, обычно в волка. Иногда в птицу. Причем не всегда, по славянским представлениям, несущий зло. Припомнились даже два князя, любившие, кажется, по ночам "волками порыскать по земле русской", Всеслав Полоцкий и Вещий Олег. Во всяком случае, по мнению славян тех времен. Думала, сказки. Вдруг захотелось спрятаться куда-нибудь в темное место, даже возвратиться домой, залезть под одеяло, лежать, зажмурившись, пока наваждение не пройдет. Или

– позвонить маме, хоть уже и "большая девочка", пять лет, как родительский дом покинула. Мама, мамочка... Телефона нет. Страшно сделалось так, что потянуло растряссти спящего мужчину – только бы не одной тут бодрствовать. За забитыми окнами выл ветер, в печке тихо щелкало и шуршало, раскаленные уголья сделались розово-красными, почти прозрачными. Подкинуть еще дров? Но нет, тепло пока еще, а дрова нужно экономить. Судя по всему, застряли здесь надолго.

Этот сказал – дрессировать... Так сказал – аж выть захотелось.

Выть и жить. И оставаться человеком. И ходить на работу – нудно, долго, каждодневно мыть глиняные черепки, классифицировать их по культурам, наносить шифры, собирать, счищать патину с медных и бронзовых сосудов, покрывать их олифой... Читать отчеты, оформлять экспозиции, проводить экскурсии, опять же, со студентами работать – обыденно и иногда утомительно, но лучше уж так, чем...

Громко всхлипнула, спохватилась, уткнулась носом в подушку на второй койке, разревелась, но тихонько, чтобы не потревожить спящего. Потом успокоилась, рукавом вытерла лицо, пошла поглядеть на свою находку. Тот спал по-прежнему беспокойно, дергался и вздрагивал, что-то бормотал под нос. Потрогала лоб – очень горячий. Взяла тряпку, сходила во двор, набрала в кружку снега. Подтопила, принялась обтирать холодной водой мужчину – совсем как мама обти-

рала ее, больную, в далеком детстве. Лоб, шея, грудь...

– Убери руки, обо... оборотень... Апаже...

– Тихо. Всё хорошо. Я только хочу помочь...

Открыл глаза, долго смотрел, потом кивнул.

– Верю. Только это ты пока... хочешь... пока не проголодалась...

– Вы лучше спите. Слушайте, а как вас зовут? А то как-то неудобно, я с Вами познакомилась, а вы со мной – нет.

Вдруг рассмеялся так, словно бы услышал самую забавную шутку в своей жизни. Быстро успокоился, фыркнул презрительно:

– Назвать свое имя... оборотню?! Ага... А еще самому шею подставить...

Отвернулся и затих. Еще посидела с ним полчаса или час, обдумывая странные слова с обидой и тоской – спасаешь тут, спасаешь, а он... Решила тогда называть "Ежом" – чтобы хоть как-то называть! Под утро сморило, легла спать. Провисшая койка скрипела, но сейчас было всё равно. Спала без снов. Когда проснулась, пахло близкой дичью. Настоящей дичью, здоровой и вкусной.

Андрей

Проснулся, когда хлопнула дверь. Было холодно, тряпки согреться помогали не особо, от жажды пересохло в горле. Сел, хотел позвать оборотня, но её в комнате не было. Ка-

жется, только что и убежала, хлопнув дверью. Это у нее что, третья охота за сутки? Покачал головой... Пока не набегается, толку с нее не будет.

Ничего не поделаешь, отправился искать воду сам. Нашел на столе чай вчерашний, уже холодный, выпил залпом. В печке угли и небрежно заброшенные щепы еле теплились, свеча почти прогорела. По углам уже вымерзло, старое простуженное дерево не хотело среди зимы и морозов держать тепло, и "буржуйка" тут, пожалуй, не слишком помогает. Всё равно нашел дров, подкинул. Еще поставил на горячую "спинку" печки чайник, пусть греется.

Лег обратно. Кажется, сегодня уже получше, отлежаться еще пару суток, и домой. И уехать к отцу. Россия эта в печенках уже сидит. Антиквариат искать – по всяким сомнительным притонам шариться, регистрировать находки – извольте налог солидненький, да еще месяца два промурыжат с документами. Пойдешь к другу отметить удачную сделку – и ага, в подворотне прикурить попросят. Потом еще оборотни всякие... Россия, что с нее взять.

Говорил отец, "не ездь туда, там сейчас дико", так нет, хотелось "настоящего дела" и "отдыха от суеты", и "атмосферы детства". До тринадцати лет в России жил, потом уже в Польшу уехали. А дальше на исторической родине бывали только наездами на пару месяцев, на полгода.

На потолке – паутина и копоть, на противоположной стене ровные строчки какого-то стишка и большая глубокомыс-

ленная надпись черным маркером: "Алина зануда". И тем же почерком безапелляционное "За то и люблю". И подпись – "Миша". Хмыкнул. Алина – это оборотень. Наверно, совсем еще молодая девчонка, только не разглядел... Может, лет двадцать-двадцать три? Жалко. Видать, не по своей воле оборотнем-то стала. Но странно. Ситуация прямо-таки криминальная. Ни одного оборотня в Заречье не встречал, значит – нелегально здесь. И, как выходит со слов девушки, обращение было проведено без согласия обращаемой при полном несоблюдении ритуала и без обязательного наставничества. Сделали оборотнем и бросили сходить с ума.

В груди неприятно давило, горело...

Нет, что-то в этой истории нечисто. И сюда же похищение мирных, ни в каких сектах не состоящих антикваров, незаконные ритуалы. Не многовато ли для одного крошечного городка? Может, бред больного воображения, конечно, но... Нужно найти возможность связаться с отцом. Как можно скорее. Насчёт оборотней и их дел – снести с Кланами. Да, Клан, кажется. И, кажется, это большая редкость в Европе – оборотень-пантера. Волков встречал, медведи были, были ястребы и соколы. Ни с одной Пантерой знакомства не водил. Вероятно, их не так уж много и можно вычислить преступника, если хорошенько пошерстить. Если девушка помнит его в лицо.

Черт, скорее бы уже из этой норы выползти!..

Докричаться до отца, отлежаться и сплавить девушку то-

му, кто и должен заниматься дрессировкой молодых оборотней. В конце концов, это не совсем "профиль" мага-антиквара – усмирение пантер. И еще интересно – хватился ли кто этой Алины? Если уж она археолог? Работа, семья? Интересно, замужем она? Кольца вроде не было, но многие не носят...

Наверно, незаметно для себя заснул, а проснулся от тычка под ребра и скрипа половиц. Сначала не понял, потом увидел – черная большая кошка, в холке примерно сантиметров семидесяти (только сейчас разглядел, какие лапищи – мощные, тяжелые, а когти вытягивать не умеет), хвост метет по полу, мечется по комнате, но, кажется, нападать не намерена. Уже хорошо. Это она разбудила? Позвал:

– Оборотень?

Тут же закашлялся. Твою ж мамашу! Нехорошо.

Пантера обернулась, посмотрела внимательно. Обнажила зубы, но понял – не угрожает, хочет что-то сказать. Терпеливо пережидала приступ кашля у "гостя", потом подошла и ткнулась мордой в колени.

– Что такое? Чего хочешь?

Замотала мордой, легонько зубами прищемила штанину брюк и потянула.

– Оборотень? – нет, вроде бы съесть почти беззащитного больного человека (энергии на еще одно "усмирение" вряд ли хватит – даже во сне не получилось толком отдохнуть и набраться сил) у пантеры нет.

Снова оскалилась и тихо зарычала. Потянула. Решил не спорить. С дикими зубастыми кошками не спорят. Послушно поднялся, сунул ноги в кроссовки.

– Чего ты хочешь?

А она всё тянет – довела до стола, потом к двери. Остановился:

– Хочешь, чтобы я вышел?

Открыл дверь, белесые клубы стылого воздуха неприятно щипали нос, уже морозили пальцы. Пока натягивал перчатки и застегивал куртку, пантера нетерпеливо била хвостом и пританцовывала на пороге, не дотерпела, побежала по снегу в сторону ближайшего пролеска.

А зима за порогом оказалась густая, молочно-белая, студеная. Вчерашние темно-зеленые ели и сосны оделись инеем, воздух пронзительно влажен и прян легким туманом, и очень тихо. Так, что торопливые шажки кошки кажутся оглушительными на фоне этого безмолвия. Небо тоже белое, с едва заметным оттенком серебра и жемчужными разводами на горизонте, и затянуто облаками. Пожал плечами и побрел вслед за кошкой, вздрагивая под порывами ветра и колючим крошевом с ветвей.

Смутно напоминал самому себе то ли Кая, разгуливающего по владениям Снежной королевы, то ли еще какого-то сказочного персонажа, спешащего за своим зачарованным проводником навстречу неизвестному приключению.

Идти пришлось довольно долго, к тому же за ночь снега

намело еще сколько-то сантиметров, сугробы подросли, ноги тонули в них по колено. Вскоре подсохшие было кроссовки промокли.

Прошли пролесок, спустились с холма, поднялись на следующий, такой крутой, что с него пришлось буквально съезжать, как мальчишки съезжают со снежной горы. Пантера, впрочем, достоинства ничуть не растеряла – уперлась лапами и как-то в один миг оказалась внизу. И там замерла.

Обнаружилась площадка. Ровное, явно искусственного происхождения поле метров тридцати на сорок, и еще торчит одинокая покосившаяся табличка: "Памятник культуры, могильник "Старовск-1". Охраняется законом". С недоумением поглядел на оборотня: неужто привела на занятия прикладной археологией? Пантера-археолог. Кабы не так холодно, можно было бы и посмеяться от души. Только пантера замерла и напряженно, старательно вглядывается куда-то вдаль, на смутные силуэты холмов и чахлого лысого кустарника.

Тоже всмотрелся. Сначала ничего – переливы серебристо-белого, тот же туман, иней крошится под ветром, полетела стайка мелких неопрятных пичуг, погода – сонная. Завалиться на койку у печки и дремать под скрип усталого дома.

Потом с трудом различил шевеление чего-то коричнево-грязного, сначала принятое за тряску под порывами ветра кустиков.

Потом оформилось, проступило – человек. Долговязый

мужчина...

Человек! Может помочь!

Рванул... и остановился. Что-то было не так. Нутром чувствовал. Человек пошатнулся, побежал мутным маревом, странно изогнулся – огоньком над свечой ... исчез.

Появился ближе, уже у подножия холмика. На этот раз различил лохмотья рубища, тощие, молитвенно заломленные руки, пустые провалы глаз, темное пятно на груди... Запахло гнилью и озоном, как будто еще похолодало, туман сгустился киселем.

– Оборотень...

Просипел, опять сорвался на кашель. Проклятье. Не обернулась.

Человек разинул рот в немом крике, рухнул на колени, как истовый богомолец – уткнулся лбом в снег... снова задрожал... Истаял.

Стоял, ждал продолжения "спектакля"... Нет, не напугался, просто сделалось интересно. Судя по всему, вульгарный призрак какого-то неупокоенного несчастного страдальца, что в Сибири, пережившей революцию и красный террор, не редкость. Чуть не в каждой деревне кого-то расстреливали или вешали. Если будет возможность, сообщить в какую-нибудь церковь, пусть проведут службу или осветят места. Авось и упокоится с миром. Минут пять еще подождал, промерз до костей, чтоб эти предрождественские морозы! И эту Сибирь туда же! Не дождался, развернулся уходить, хо-

тел окликнуть свою словно застывшую спутницу. Вот она, кажется, привидений в жизни не видела.

Обернулся.

А он казался за спиной, теперь уже совсем близко. Буквально в пятнадцати метрах.

Смердело – тухлой плотью, серой, еще чем-то тошнотворным.

Длинный, скелетоподобный, он, наверно, внушал ужас. Местным жителям, кошке, застывшей на краю площадки – животные вообще боятся всего потустороннего.... Раззявленный рот, запекшаяся кровь, стенания и вонь – весь антураж. Нет, жалко, конечно, страдает душа... тщетно пытался припомнить формулу изгнания для таких случаев – забыл, хоть убей. А он тут, судя по всему, долго уже шатается... Призрак развернулся спиной, худющие лопатки дернулись, седые жиденькие космы упали на лицо... Снова задрожал, шатаясь, побрел прочь. Опять озон, как в грозу...

Нет, не испугался. Обычный, примитивный слепок чужого сознания, оставшийся посмертно бродить по свету, пугая суеверных людей... Разве что – жутковато. Ты уже мертвый, а осознать не успел. И потому не умер по-настоящему. Нда...

Не испугался. Просто устал и сел в снег. Подумать. Оборотень суетливо увивалась вокруг, тянула...

Ёж повел себя спокойно при виде диковинного и пугающего дива, и страшно быть почти перестало. Хотя когда в

первый раз увидела – бежала до домика сломя голову и позорно поджав хвост. Такая жуть...

Но не пахло от Ежа испугом.

А это, наверно, тот самый, в жертву принесенный. Не врали люди. Вот же чертовщина. И пахнет от него трупно, гадко. Бродил по раскопу, руки заламывал. Чего не спится?

Пока бежала, думала, забьюсь в угол и не вылезу оттуда как минимум до следующего дня. Дверь чуть с петель не снесла. Потом, не помня себя, принялась Ежа тормошить, выволокла почти из постели. Нельзя так. А потом опять на площадку потянуло – узнать, что странный мужик в балахоне и с пятном на груди как от вишневого варенья, всего лишь привиделся, и успокоиться. Иначе следующим летом ведь не заставишь себя как ни в чем не бывало просеивать грунт, черепки выковыривать, горизонты зачерчивать... Зная, что тут место нехорошее? Ох, какое нехорошее... Аж до косточек пробрало.

В общем, утянула Ежа смотреть раскоп. Сначала ничего, а потом снова... этот. И дура, дура невозможная! Больного человека трогать! Ему, кажется, плохо стало...

Но до дома добрались.

Стою, тепло от печки, есть уже не хочется, сытая, испуг еще бродит по лапам, жду – когда Еж изволит возвратить нормальное человечье обличье? Смотрю на него снизу вверх – давай уже! А он сидит на койке и не торопится. А мне жарко, потные бока так и хочется почесать о ножку кровати. И

вообще после охоты – блаженное расслабление – даже вопреки встрече с привидением – лечь бы перед огнем и подремать. И когти подточить неплохо бы... Ну?

– Извини, – говорит, – оборотень. Сил нет тебя обратно вытряхивать. Попробуй сама, ты же должна уметь.

Точно! Уметь должна! И ничего, что как-то позабыли объяснить? Господи...

Оскалила на него зубы. Вздогнул. Привидения не боится, а меня боится.

– Оборотень, я не могу. Честное слово. Ты же сытая, у тебя энергии на перекидывание должно хватить.

Зарычала – разозлилась на него неимоверно! Бока чешутся, может, там насекомые завелись? Уф, противно. Терпеть не могу, вычесал бы кто! А то лапами и не дотянешься никак.

– Спокойно, оборотень... Спокойно... Попробуй расслабиться и представить себя человеком...

Теперь – точно боится. Человек, который боится, пахнет иначе – кисловато. Легко сказать – представь. Бока чесались всё больше. Там точно кто-то бежит. Попыталась стряхнуть, даже по полу катнулась. Нет, нужно в человека! Срочно!

– Что, не выходит? – озабоченно поморщился. Потер лоб...

Мотнула мордой.

– Попробуй еще раз. Расслабься, ничего не бойся, не получится сейчас, получится потом...

Расслабилась, представила. Снова и снова. И еще раз. И

опять. Не получилось. Не получилось потом!

– Спокойно... Спокойно, оборотень... Всё хорошо... Я подкоплю силенок и вытряхну тебя обратно, только ты спокойно...

И погладил по спине, как домашнюю кошечку. Подставила ему бок – и его погладил, даже почесал, а всё равно пахнет от него кисло. Перекатилась на бок, от буржуйки веяло приятным и сухим теплом. Быстро разморило после снега по самое брюхо, лениво наблюдала за Ежом снизу вверх...

Вот он снял куртку, встряхнул, обдавая капельками талой воды, натянул обратно. Вот пошарил в ларе, подкинул поленце в печку, почти наощупь – это только мне видно, наверно, а ему темно – нашел еще одну свечу. В ее свете лицо у Ежа хищное, черты резкие, словно бы прорезанные по дереву стамеской, только не заглаженные еще шкуркой. Темные мазки впалых щек, черные провалы глаз, от углов губ и вниз – разводы теней.

Нашел травы, заварил, поставил томиться на печи в кружке. Достал из чугунка тушку тетерева, на запах совсем не вкусную, водянисто-переваренную, как он это ест? Мясо должно быть свежим... Как сегодняшний утренний трусачок. Облизнулась... Время охоты еще не пришло, подождать до ночи. Сейчас – спать.

...Белый-белый снег под лапами, россыпи ярких разноцветных следов, перекличка синиц...

– Оборотень, попробуй еще раз.

Встрепенулась, подскочила. Еж уже убрал в чугунок своего отвратительного тетерева, сидел на койке, завернувшись в тряпье.

Снова попробовала под внимательным взглядом Ежа. Бок прогрелся, чесаться перестали, вообще блаженная лень в теле до самых кончиков – попробовала исключительно потому, что он попросил. Разумеется, не вышло. Улеглась к огню так близко, как возможно, только чтобы шкуру не подпалить. Зевнула. День. Спать пора.

Ежу не понравилось почему-то.

– Пробуй еще. Не лежи так просто.

Рыкнула на него предупреждающе.

– Сколько ты уже пантерой? Ты три раза за сутки охотилась. Я только сейчас подумал... Давай, попробуй еще разок.

Даже рычать не стала, отвернулась.

– Оборотень!

А чего он мне сделает? Спать охота.

– Ладно, фиг с тобой. Но, оборотень, я тоже спать хочу. Ты как, не соберешься вдруг меня на обед схарчить?

Вяло вильнула хвостом. Не мешай, а? Он принял это за добрый знак и отвернулся к стенке.

За стенами домика, хоть этого и не видно, пошел снег. Словно небо вздохнуло с облегчением... тихо-тихо... И стало легко и светло даже во сне.

– Слушай, оборотень, а часто у вас этот чудик по раскопу

ходит? Давай-давай, вставай, разговаривать будем. Тебе вообще-то нельзя столько времени в пантерьей шкуре проводить, а то совсем свихнешься. Но я пока не могу тебе помочь. Поэтому будем разговаривать. Так и? Часто ты этот призрак видишь? Мотни головой, если часто... Редко?... Вообще не видела? А сколько ты здесь работаешь? Год? Два? Три? Четыре? Пять?... Пять, значит? Точно? А твои коллеги не видели? Нет?... интересно... Понимаешь, призраки так просто, спонтанно, не появляются. Если его пять лет не было, а потом вдруг появился, значит, кто-то его потревожил... Ну, может, могилу его раскопали? Или какие-нибудь сектанты здесь живут? Впрочем, откуда тебе знать... Призрак, привидение, врёк, морок – по сути своей посмертный отпечаток ауры человека, сгусток тонкой материи, обладающий зачатками разума. Ты меня слушаешь? Оборотень? Так вот, зачатками разума... призрак помнит некоторые события своей жизни и обречен на их бесконечное переживание... Чаще всего это обстоятельства его смерти... Как, наверно, в случае с вашим чудиком... Призрак не знает, что мертв, и не может уйти, куда положено отправляться умершим... Незавидная судьба... Оборотень, не спи... Слушай, тут ужасно холодно. Я подброшу еще дров? Черт, их совсем мало. Потом нужно будет сходить, набрать хвороста. Есть здесь хворост?

Оранжевый запах костра. Серенький привкус пыли и старой паутины по углам. Еж пахнет человеком.... больным че-

ловеком и грязным.

Огонь трещит поленьями. Из-под заслонки валяются хлопьями тепло и зола. Вдалеке прокричал лось. Очень далеко. Еще день, спать и спать.

Еж мешает. Нашла на него страсть поговорить. Люди днем не спят. Рычу на него, но он не обращает внимания – я не злюсь пока по-настоящему и он откуда-то это понимает. Ладно, пусть себе разговаривает, если ему так нужно.

Потом замолкает. Спит и во сне дышит так, словно ему снится охота. Мне тоже снится охота.

В моем сне хрустит снег, ветер шумит в ушах, в воздухе перемена погоды и близкая оттепель, глупая перепелка тяжело опустилась в снег и склевывает яркую рябину. Ты-то мне и нужна, голубушка...

– Оборотень! – вскрикнул хрипло, выдирая из охоты и почти уже ощутимого на зубах вкуса крови, Еж. Вскинулась, от неожиданности зарычала, подскочила к койке. Тот сел, замотал мор... головой.

– Приснилось... Извини... Давай дальше разговаривать, что ли...

– Насчет этого призрака с раскопа. Похож то ли на великомученика, то ли на сбежавшего из плена белогвардейца... У вас тут были массовые расстрелы? Колчак, Деникин – не из вашей оперы? Нет, Деникин на югах, ага? Ты не обращай внимания, я российскую историю не очень, я в Польше до-

учивался. Там несколько иные взгляды на Россию. Так что, похоже, тут кого-то расстреливали и в речку скидывали? Тогда ничего удивительного. Разве что – что он один шатается, а не всей компанией... Слушай, холодно здесь... Дрова вроде горят... Почему же так холодно?... Нет тут еще каких тряпок? Ох, зараза... Оборотень, ты чего делаешь? Отойди... Куда полезла? А впрочем... Так действительно теплей... Ты права...

Тяжелый всхлип старой панцирной койки под тяжестью уже двух тел. Шесть пантеры чем-то напоминает шерсть мягкой игрушки – такая же теплая и уютная. У кошек температура тела выше, чем у людей...

Свеча оплыла и погибла, в комнате темно, как в склепе...

Он теплый. Даже слишком. Вцепился в бока, как утопающий в соломинку, и не отпускает. Мужики в постели часто так себя ведут. Человеческие. Неприятно до ужаса. Когда собираешься спать, нужно чувствовать пространство всей кожей, а этот... Ладно. Всё равно для сна уже слишком поздно. По ощущениям – вечер. Скоро...

Еж дернулся во сне, замычал, уткнулся мне в бок носом. Похож на большого детеныша, тянущегося к соску матери за молоком. Снег уже перестал. Снег – плохо. Заметает следы, сбивает запахи, путает и мочит шерсть... Сова ухает. Совсем близко... И уже хочется есть. Вкусно пахнет...

Аккуратно, чтобы не мешать человеку спать, вывернулась

из его тугого захвата. Попятилась, очень уж он беззащитный. Нельзя во сне быть таким беззащитным. Сейчас мне бы даже на охоту идти было не обязательно. Там свежий снег, вряд ли сегодня охота будет удачной. Там холодно натошак. Снег под лапами – сущее мучение. Забивается между пальцами, холодит подушечки... Отступила, сглатывая.

Дверь оказалась на запоре..

Попробовала поддеть. Лапы неловкие... Не так...Скорее... Уже почти... Голод...

– Оборотень!

Не оборачиваться. Идиот человечиска! Идиот... добыча...

– Оборотень, стой! Тебе нельзя! Стой... ох, б*я... Apage, bestia!

Глупая добыча. Голод сильнее.

Бред. Большущая пантера пытается лапой дотянуться до высокого засова и сдвинуть его. И у нее почти выходит, вот в чем штука. Удерёт же!

– Apage, bestia!

И – получается! Вой и жалкий визг, и мгновение, когда черное плывет рябью, а потом сразу – растрепанная, взъерошенная девушка с желтыми пантерьими глазами. Долгие секунды лежит в бессилии, потом медленно подымается на четвереньки. Смотрит этими своими страшными глазами зло, хищно, жадно...

Рычит. Стоящая на четвереньках девушка. Гортанно. Так же зло. Ни проблеска понимания или узнавания.

Потом нечеловечески плавно поднимается, легко отводит засов, распахивает дверь в черноту... из полутьмы в ночь... Снова плывет и колеблется... черная пантера склбится на последок и растворяется за порогом.

Она больше не человек. И, кажется, им никогда уже не будет.

На негнущихся ногах подошел к двери, вдохнул холода. Запер. Два раза проверил засов. А может, еще ничего? Возвратится девчонка, как нагуляется?

"Возвратится, если жратвы не найдет. Тебя и схарчит", – вставляет ремарочку отчего-то Эсташ. Противным голосом с французским прононсом. И с чего это он таким знатоком русского просторечного заделался?

Глава 4. Казенное

БЫЛИЧКА

... о том, чему нас научил тот первый заезд. Он всегда со студами, с первокурсниками, сами знаете. Да, от них куча проблем, но, с другой стороны, на них можно сгрузить всю черную работу, которую они будут исполнять с азартом первачков, изредка получая за найденный наконецник банку сгущенки или тушенки. И действительно, иногда проблемы перевешивают пользу. Как, например, в июле девяносто девятого. Как вспомнишь, так вздрогнешь. На том дурном раскопе, который на Ырташе. Не на могильнике, а в городище который. Пятнадцать студов, три руководителя, двое независимцев, медик и двадцать дней выезда. Третий-четвертый горизонты. Сначала ничего, всё спокойно. Потом детки растормозились, начали помаленьку бегать в соседний поселок за спиртным и "потусоваться". Оно и понятно, скучно им, телевизор отсутствует, такой штуки, как мобильный телефон, тогда большинство студентов и в помине не слышало, глушь, связи с "большим миром" не наблюдается. Со скуки начинают куролесить.

А потом этот праздник, день Ивана Купалы. При его упоминании, например, Анатолий Петрович меняется в лице. Запретил на выездах его праздновать, кстати. Зря – дважды

в одну реку не входят.

Но мерзкая история, ей-Богу! Сколько раз уже говорил – все беды от самогона! Нужно не праздники запрещать, нужно запрещать студам самостоятельно ходить в деревню соседнюю, в Старовское. Сплошь самогоноварильная мануфактура рассеянная, блин. На каждом дворе самогонный аппарат свой и сивуха по цене десять рублей за литр. Для "эстетов" – водка, но она дороже.

Её пьют "старшие" – руководители и независимцы. Социальное расслоение в своем роде... Да, я тоже виноват. Я был тогда одним из "старших". Я тоже, бывало дело... Ввести сухой закон на время заездов! Не тот формальный, который сейчас – нельзя пить, но если очень хочется, то можно, и в любых количествах. Нет, пора уже прекращать попустительство. Вне раскопа, под собственную ответственность, в городе – пусть их. Молодые, перебесятся. Но когда это касается жизнью других людей...

Ну вот, день Ивана Купалы. С самого утра, кстати, уже можно было предполагать неприятности, так как утро началось нехорошо. Не вышли на площадку два студа. Просили передать, что маются расстройством желудка. Естественно, никто не проверял. У нас постоянная текучка – у кого-то простуда, кто-то дежурит по кухне, кто еще чего... Не вышли – и не вышли, Бог с ними. Проблема не в этом. Проблема обнаружилась на квадратах с северной оконечности площадки, в квадратах с А-1 по А-10. Там было безобразно натоп-

тано, сбиты все указатели, неприятнее всего – нашлись следы костра. Огонь изрядно поглодал часть деревянной стены "острожка"... Вместе с углями и золой обнаружили и "сопутствующие" – пузырек без этикетки, пустой, с явно выраженным запахом алкоголя, мусорная мелочь, бумажки... Все присутствующие были строго допрошены, естественно, никто не сознался. Да и кого было подозревать? Тут все свои, и даже студенту изрядно под хмельком в голову бы не пришло идти разводить огонь на рабочей площадке. Значит, местные... И тоже маловероятно. Местные бегут от местечка как от чумного барака. Говорят, проклятое.

Ладно. Поматерились, зафотографировали разрушения, после привели в порядок квадрат и продолжили работу. На раскопе было шумно, студы оживились в предвкушении вечера, девчонки обсуждали известные гадания на суженных, парни таинственно перешептывались и перемигивались. Придумывали, как девушек пугать будут. Не первый выездной Иван Купала, знаем.

Вечер сделали стандартный – костер и прыжки через оный, девушки в венках из одуванчиков и ромашек, ярко раскрашенные и возбужденные, ребята с гитарой и ворохом песен. Но первачкам нравится, и Бог с ними. Хотя надоело уже организаторам до оскомины. Поэтому организаторы тихо выпивают по чуть-чуть за праздник, причем выпивают хорошей "Тамянки", и расползаются по палаткам. Остается один Валерий за старшего. Сидит у костра и слушает песен-

ки под гитару, изредка вставляет похабный анекдотец или реплику, он у нас любитель посиделок.

Остальные видят уже десятый сон... В этом вся проблема. Я не могу точно объяснить, что и как произошло. Знаю только, что после нашего ухода студы осмелели и достали раздобытый теми двумя сачковавшими с утра архаровцами в деревне самогон.

В два часа ночи Валерка ворвался в палатку к нам с Людой. К нам с ней первым, потом к Алексе и Женьке. Громко возбужденно говорил что-то про тонущую девушку и про оказание первой помощи. Спросонья показалось – утонувшую, глаза по полтора, шерсть дыбом. Люда у нас медик, и она сообразила быстрее, побежала на берег.

Обнаружилось: девушка-первокурсница. Пьяна вдрызг, еле соображает, наглоталась воды, тряслась как осиновый лист. Вытянул из воды ее тот же Валерий. Говорит, услышал вопль, побежал на берег. Как успел, уму непостижимо. Ладно, Люда с ней похлопотала, привела в чувства... Потом еще Женьку привела, который сообразил, что непосредственный научный руководитель девчушки он, а ей восемнадцати еще нет. Тут же как въяве – УК РФ...

Со слов девицы: пошла в деревню "к мальчику", у "мальчика" обнаружили друзья – "незнакомые мужики" в черных балахонах, они все вместе сначала "чуть-чуть" пили вино, потом вдруг ее, полубессознательную от выпитого, то ли насиловали, то ли сама согласилась, а после потащили к реке

и там начали топить. Разборки оставили до утра, потому что она прям на полуслове заснула. Утром пошли в деревню искать того "мальчика" по имени Антон и тех "мужиков". Выяснили, что ни одного Антона в деревне не наблюдается, так никого не нашли и не опознали.

Конечно, ей это всё с пьяных глаз примерещилось, тут ясно. Она даже сама потом призналась, что никаких мужиков не было, что просто полезла искупаться. Ну и отказалась от свои слов насчет изнасилования. Потом резко запросилась домой и мы ее от греха подальше сплывили в город. Только, господа, делаем выводы. Если бы не случайность и быстрая реакция Валерия Петровича, кое-кто из нас уже сидел бы за решеткой... Кое-кого уволили бы, а кое у кого забрали бы разрешение на раскопки... дело не в том, что место якобы "проклято", дело в нашей с вами безалаберности, друзья мои. Нет, я виноват не меньше, а может и больше прочих, и я не снимаю с себя вины, но...

Из неофициальных объяснений преподавателя кафедры
Истории древнего мира, к.и.н. С. П. Говорова

Спать больше не мог.

Шатался по комнате. Шарил в ящике. Там нашлись: две пачки хозяйственных свечей – тут же зажег одну и, не удержавшись, еще вторую (да будет свет!); два коробка спичек, один початый; ножик; десяток вилок и гнутые алюминиевые ложки; метелочка из порывевшей травы. Почти пустая со-

лонка. На самом дне – пачка древних, еще Великий потоп наверняка выдавших булочек. Жаль, нет тут хоть какой завалящей книжки или газетки – только чтобы отвлечься.

После ворошил угли в печке, лакал свое мятно-хвойное пойло.

Ждал.

Глупо.

Она придет. У нее тяжелые лапы и трехсантиметровые когти. Втягивать она их не умеет. Она вечно голодна, потому что первый этап трансформации требует наибольших энергетических затрат. Полная перестройка организма. А у нее что-то неправильно пошло, если она не умеет перекидываться в человека. Любой оборотненок умеет, это же самое простое. И еще она даже в человеческом облике сохраняет черты пантеры – те желтые глаза. Жалко её.

И себя жалко.

Что лучше – умереть от голода или в зубах оборотня?

Всё равно ждал. От нечего делать пытался припомнить формулу упокоения для того раскоповского страдальца, потом бездумно разглядывал свечи. Они белые, мягкие, бесформенные уже, когда горбатятся потеками парафина... Прозрачная лужица растет, свеча тает. Свечи хватает ненадолго, от сил на полтора часа. Потом уже сидел в абсолютной темноте, на полу у буржуйки. Грелся. Чертов холод. Этот холод до конца жизни запомнится, совершенно точно.

Под утро она пришла. Впрочем, насчет утра с достоверно-

стью сказать бы не сумел, ставни-то забиты. Только догадки.

Скреблась в дверь. Рычала. Билась своим тяжелым телом. Скулила. Снова рычала. Так часа два приблизительно. Потом затихла. Тут, кстати, "удобства" во дворе. Так некстати вспомнилось. Настоятельно вспомнилось. Еще час тишины. Может, больше, может, меньше. Опять скулеж. Ничего с ней не сделается, у нее шерсть.

Только пантеры не живут в Сибири. Правда, про пантер толком ничего не вспоминалось, но вон у Киплинга Багира жила в джунглях. Интересно, наскребется еще силенок на одну формулу? Тут есть веревка и есть крюк в стене, такой, под лампу, в стену вкрученный. Пожалуй, сойдет. И еще одну формулу припомнить... Она совсем простая, взята из церковной службы. Буквально пара предложений. Не совсем для оборотней, но тоже сойдет.

– Замерзла, оборотень? Заходи.

Она не кинулась на легкую добычу вопреки ожиданиям. Она покаянно поджала хвост и вошла. Уже в черную спину бросил:

– *Apage, bestia...*

Она, конечно, послушалась. И нескольких секунд хватило, чтобы успеть – крюк, веревка в перехлест запястий. С женщиной справиться легче, чем с разъяренной кошкой. А она не станет кошкой, пока связана. Формула погашения "нечистой" активности. Раньше католические патеры так "демонов" из бесноватых изгоняли. Теперь уже сидит на

полу, беспомощно дергает веревку. В открытую дверь вместе с холодом льется слабенький утренний свет.

– Сейчас ты не сумеешь перекинуться. Пора приходить в себя, – поясняю.

В ответ скалится, рычит, и странно видеть кошачий оскал на девичьем лице. Я понимаю, что мы с ней вдвоем заперты в ловушку – моя нынешняя беспомощность и её помешательство не позволят нам выжить.

Да, а "удобства" во дворе.

В казенных помещениях даже тепло какое-то неискреннее, казенное. Вот, например, в старом "совковом" здании "Музея естественной истории, археологии и этнографии Сибири", в кабинете директора батареи горячие – тронь, обожжешь пальцы. А отойди на шаг, или лучше посиди часок за столом, перебирая отчеты экспедиций – задубеешь. Теплее всего стоять у окна, прижимая ноющие ревматические колени к чугунным ребрам батареи и на её же "хребетиках" пригревая ладони.

За грязными стеклами предвечерняя суeta, заходящее солнце расцветило улицу теплыми мягкими тенями, скрасило уродства опять же казенной, плановой архитектуры. Люди спешат, глядят только себе под ноги. Внизу – черными зернышками по бурному течению реки плывут меховые и вязанные шапки, хороводы чужих безликостей. За стеклами

четыре часа пополудни, шумная магистраль. В кабинете железный век, пыль и час до окончания рабочего дня.

Анатолий Петрович Ярохин, директор музея, простоял у окна еще с минуту, зевнул и с сожалением возвратился к отчетам. То ли возраст, то ли погода, то ли – тьфу на лунный календарь жены! – "Луна в знаке Весов определяет общее понижение тонуса организма", то ли тяжелый день, но настроение было нерабочее. И еще некоторое беспокойство по поводу Ковалевой. Ну, скажем, от Ваньки Тютюкина можно ожидать внезапного и трагического запоя, не позволяющего даже на телефонные звонки отвечать дня по три подряд. От Семена – импульсивного отъезда в неизвестном направлении на неопределенный срок "по семейным обстоятельствам" без предварительного оповещения начальства. Алина же всегда была ответственной, исполнительной девочкой, горячительными не злоупотребляла никогда. Было дело, с ангиной пришла экскурсию проводить, бывало – до десяти вечера засиживалась за обработкой коллекций. Не бывало – чтобы пропускала лекций перед приезжими студентами или прогуливала по три рабочих дня. Не случалось, чтобы игнорировала телефонные звонки и на домашний, и на мобильный телефон. Нет, директор музея совсем не обязан названивать своим подчиненным и уж тем более не обязан обзванивать знакомых этих самых подчиненных. Но в пятницу с утра голос у подчиненной был хриплый и больной, только Анатолий Петрович был слишком обозлен шумными студента-

ми, чтобы выяснить причину недомогания Алины Сергеевны. Немного спустив пар и даже устыдившись своей вспышки, он позвонил снова, но ответа не дождался. Решил перезвонить вечером. Потом отложил "разборки" на субботу, а в субботу решил, что разъяснит дело в понедельник. В понедельник разъяснений не последовало. И вот теперь гнетущее предчувствие беды и вины мешало спокойно и вдумчиво вчитываться в документацию...

Алина живет на Первого мая, кирпичная пятиэтажка напротив продуктового магазина, номер квартиры спросить в отделе кадров. Сходить и проверить самому. Или отправить кого-нибудь из ребят? Нет, лучше самому. Через час. Опоздать на ужин, и жена будет ворчать и искать несуществующих любовниц... Смешно, кабы не так глупо. Ну какая любовница у усталого шестидесятилетнего директора музея с окладом в двадцать пять тысяч рублей?

Тяжело забренчал старый стационарный телефон на столе.

– Алло? "Музей естественной истории"...

– Гражданина Ярохина Анатолия Петровича я могу услышать? – перебил неизвестный пока собеседник низко и резко.

– Я слушаю.

В нехорошем предчувствии припомнилось, что пропустил обед. Старая язва желудка.

– Следователь УВД-2 города Заречца Петренко Евгений

Григорьевич, – представился собеседник. Предчувствие начинало подтверждаться. – Я уполномочен вести предварительное расследование по факту пропажи гражданки Ковалевой Алины Сергеевны. Разрешите задать вам несколько вопросов.

– Да, конечно... Погодите, какое расследование? – в верхнем ящике стола "Альмагель" есть.

– Согласно поступившим данным гражданка Ковалева исчезла из собственного дома в минувшую пятницу. Об этом заявил ее знакомый, Николай Сухарев. Объявлен розыск по факту исчезновения. Я веду опрос родственников и друзей Ковалевой. Вы можете сейчас ответить на несколько вопросов?

– Да, задавайте.

Нужно было еще в пятницу добиться и разобраться. Старый осел.

– Когда Вы в последний раз виделись с пропавшей?

– В четверг встречался лично, а в пятницу разговаривал по телефону...

В коридоре кто-то громко смеялся и цокал каблуками по бетонному полу.

До конца рабочего дня оставалось полчаса.

Андрей хотел бы знать, кто и что такое – "зверь". Раньше он полагал, что зверь – это четыре лапы, шерсть и острые

зубы. Теперь уже он готов был свое мнение изменить.

Он лежал на койке и пытался спать. Он уже три раза проверил прочность завязанных узлов, был до крови укушен в запястье и определенно слишком устал, чтобы думать. Хотя вертелась какая-то мысль...

Ах, да, обработать руку... спиртом... или прижечь...

Не сейчас, чуть позже... Да тут и нечем...

Она рычала, скулила и пыталась грызть веревку. Под действие магической формулы глаза ее приобрели первоначальный вид – черные почти, красивые глаза. В некотором роде стало только хуже.

Когда она впилась в руку Андрея своими крепкими мелкими зубками, он бы должен был врезать ей по лицу, как врезал бы заигравшейся сучке служебной или бойцовской породы. В любом случае. Даже если бы не разозлился. Просто обязанность показать животному, кто здесь хозяин. Проблема была в том, что оборотень Алина не просто какая-то там сучка. Она женщина. Хотя бы по обличью. К ней нельзя применять методы, подходящие для дрессировки служебных собак. А дрессировать оборотней Андрею не случилось.

Он лежал и рассуждал, что есть зверь. В свете нынешних событий зверем называлось нечто с безумными глазами и непреодолимой жадой крови. Спусти эту Алину с веревки – в горло же вцепится! Потом еще подумалось, что зверь живет инстинктами, основной из которых – инстинкт охоты. Еще где-то мелькнуло воспоминание – инстинкт продолже-

ния рода. Прежний Андрей, до пленения, придумал бы скабрезность по этому поводу. Нынешнего больше интересовали вопросы выживания.

Примерно через час рычания оборотень притомилась и прилегла подремать. Андрей ее усталости не доверял, но...

Часик сна Андрей себе позволил. Потом паялся в потолок. Потом оборотень во сне рычала и вздрагивала, порываясь бежать и, наверно, перекинуться. Был вечер. Свечей осталось восемь штук. Мало. Не то, чтобы Андрей не любил темноты, он не любил темноту в компании с невыдрессированным оборотнем.

Снова копался в ящике, но свечей больше не нашел, только керосинку без керосина, поломанную, под тряпьем, там же часы на заводе, "Красная заря", СССР-вские, со звездочкой. Их попробовал завести, чтобы тикали. Они, как ни странно, завелись.

Размочил булочку преклонного возраста в талой воде – голод не тетка.

Когда обратил внимание на оборотницу, та уже не спала, а сосредоточенно грызла веревку. Легонько, предупреждая пнул под ребра. Та неприязненно ощерилась, но веревку оставила в покое. Улеглась, вжавшись спиной в угол и сверкала оттуда снова желтеющими глазами. Похоже, заклинанье, которым развлекались инквизиторы, не столь уж и действенно.

– Оборотень? Давай хоть разговаривать, что ли.

Зыркнула глазищами, низко заурчала.

– Ты хоть помнишь, как тебя зовут? Алина Сергеевна Ковалева, археолог чего-то там, помнишь?

Лежит, слушает. Вряд ли что понимает. Глаза уже совершенно желтые, без малейших сомнений. Зрачки вертикальные, но в полутьме широкие. Нечесанные волосы сбились колтунами. Точь-в-точь одержимая. Не зря их в средние века так боялись и ненавидели. Ведет себя такая свежеукушенная как нелюдь, на всех кидается, слюной ядовитой брызжет – чем не бесовка?

– Тут написано на стенке, что ты зануда. Зануда ты? А с Мишей тем теперь чего?.. Послушай, я не знаю, что с тобой делать. Честное слово, никогда не возился с оборотнями. У меня есть друг, Валерка. Он волк. Ну и всё. И поэтому я не знаю, как с тобой быть. Был бы телефон, звякнул бы Валере.... Что я вообще должен с тобой делать? У меня была собака, сука. Адетта. Мاستиф. Но, черт возьми...

Ай, ну ее! Глаза эти... Что со стенкой разговаривать!

Попробовал осторожно силы – нет, никак на "прыжок" не наскребается пока. От птички, принесенной вчера оборотнем, остались только косточки. Чуть-чуть бульона.

– Слыш, оборотень, ты есть хочешь? Кости грызть будешь?

Глаза животных тем и отличаются от человеческих лиц – абсолютная безэмоциональность. Кошка смотрит на тебя

так, словно бы ты пустое место. Презрительная египетская королева. Она же потом буде выпрашивать у тебя рыбную голову или тереться об ноги, чтобы получить колбасы. Или зашипит и выпустит когти. Только глаза останутся прежними – круглыми, серьезными и пустыми.

Смутился.

– Как хочешь.

Ночь вышла дурацкая. Омерзительно.

Часы "Заря" тикали насмешливо, недобро, словно бы не верили, что что-то может стать хорошо и вообще выправиться. Скрипел старый дом. В старых деревянных домах зимой всегда что-то глухо постанывает и всхлипывает, как если бы дом собирался вот-вот просесть и оплакивает свою печальную судьбу. Оборотень опять взялась за веревки, когда попытался затянуть их покрепче, тянула за палец. Зараза. Нужно бы с ней говорить и говорить, но не по себе было.

Так и просидели всю ночь – она у стены, подтянув колени к подбородку, слюнявя старый тугой шнур, Андрей на койке, стуча зубами – настороженно пялясь друг на дружку. А потом, под утро, когда за стенами выла метель, а сквозь плотно забитые ставни всё равно пахло снегом и холодом, сморил Андрея сон. Сон уронил в прелый запах пота и яркое солнце, и там запер.

... – Андрейка-канарейка! Андрюшка-хрюшка! Андрей-воробей! – маленькая, сама на воробья похожая девушка с рыжими косичками сидела на заборчике и болтала

грязными худыми лапками в красных сандалиях. Ненадолго прервалась и задумчиво поковырялась в носу. Покосилась на сутуловатого мальчишку, увлеченно листающего книжку в тени под забором, почти под ее ногами в сандаликах. Возобновила попытки оторвать его от занимательного чтения. – Андрей-сельдерей! Андрюша-повторюша!

Но, то ли объект нападок попался не из обидчивых, то ли таланты девчушки пасовали перед увлекательностью книжки, то ли еще что – мальчишка не обратил на новую порцию дразнилок ни малейшего внимания. Тогда девчушка сменила тактику.

– Ну Андрееееееей.... Ну почитаааааааай мне! Или давай играть в каааамушки! – заныла девочка.

– Отстань, малышня.

– А я маме расскажу, что ты обзываешься!

Солнце жарило как озверелое, забор тень и холодок давал весьма условные, ветер то и дело зашвыривал на тонкие листы детектива песок и пыль. Мальчишка поднял глаза к небу. Небо от жары сделалось белесым и прозрачным. Вздохнул.

– А ты первая начала. Слушай, дай дочитать главу и пойдем в дом, будем играть. Лады?

– Лады, – девчонка вздохнула и спрыгнула с забора. Присела на траву газона и принялась сосредоточенно обдирать головки редких розеток клевера.

Ветер снова сыпанул песком, окно на втором этаже чмокнуло, распахиваясь, истошный женский голос проорал нечто

невозвратительное, на газон вывалилась черная дамская сумочка. Окно захлопнулось. Дальше вступил мужской бари-
тонистый ор, мальчишка с тоской поглядел на дрожащее
стеклом окно и вторично вздохнул.

– Пожалуй, не пойдем домой. Давай лучше на речку?

– Давай. На речке я тоже люблю, – вид у девчушки сде-
лался, как у кролика перед удавом. Почти шепотом спроси-
ла. – Твои опять ругаются?

– Ага.

– А мои никогда не ругаются.

– Ага, – мальчишка кинул печальный взгляд в сторону до-
ма, там опять шумели. – Везет...

Окно распахнулось снова, оттуда высунулась встрепанная
женская головка, звучно прокричала:

– Андрееей! Андрей, домой!

Тут же следом, вдогонку:

– Хоть бы ребенка не вмешивала, шлюха ты бессовестная!

– Андрей! Домой немедленно!

– Я пойду. А ты здесь посиди, ладно? Вот тебе книжка,
тут картинки есть.

Дома царил разор. Начинался он уже на первом этаже сби-
тыми с полок книгами и осколками большой напольной вазы
китайского фарфора, и продолжался на лестнице. Идти на-
верх мальчик не хотел, он уже догадывался, что там увидит.

– Андрей! – взвизгнула женщина и что-то сочно хрустну-
ло, разлетаясь вдребезги.

В комнате родителей словно бы ураган прошел – содраны со стен картины, холст с изображением миловидной девушки, увитой плющом, прорван в нескольких местах. Разбита вся коллекция китайской посуды. Отец в незастегнутой рубашке и мать в растерзанном пеньюаре, нечесаная, сверлили друг друга ненавидящими взглядами из разных углов.

– Андрей, выйди, – отец дышал тяжело, как после заплыва через запруду туда и обратно.

– Нет, Андрей, стой. Мы с тобой уезжаем. Не будем больше с этим вырождением жить. Собирай свои вещи, – мать говорила холодно, явно наслаждаясь пробежавшей по лицу мужа гримасой злости и досады.

– Андрей останется со мной. Даже в суде решат в мою пользу. Женщина, которая в каждую постель прыгает, не может быть хорошей матерью.

– В каждую постель, значит, прыгаю? А то, что у тебя продащицы все сплошь девицы без стыда и совести – это нормально?!

– Я с ними не сплю. А вот ты, дешевка... – отец был очень бледен, говорил медленно и тихо.

Андрей уткнулся взглядом в пол. На родителей смотреть ему было страшно. Когда они так злятся, кажется, что нормальной жизни уже не будет никогда. Но ведь повторяется – всё хорошо, хорошо, кино, парк, аттракционы, папа ходит довольный и учит всяким фокусам, а потом вдруг мама не приходит домой ночевать и снова – крики, битье посуды,

обещания развода.

– ...Такую похотливую кошку, как ты, нужно еще поискать. Андрей останется со мной. Ты можешь убираться на все четыре стороны. Если хочешь, можем официально оформить развод. Можешь даже оставить за собой квартиру в городе. Но сына не получишь.

Мама скривила губы в злой усмешке, темные волосы откинула на плечи. Натянут рассмеялась.

– Если тебе интересно, это вообще не твой сын! Это от Женьки, шофера, помнишь такого? Охота тебе ублюдка воспитывать?! Я ухожу. Андрея забираю, а квартиру можешь себе хоть в задницу засунуть, мне плевать!

Сердце глухо стукнуло и упало куда-то вниз. Тяжесть невероятная. Лицо у папы стало каменное.

– Повтори, что ты сказала, Катя.

– Андрей не от тебя, а от Женьки. Стала бы я рожать ребенка от такого уроды, как ты? Так что он только мой, ты на него никаких прав не имеешь. А квартиру в задницу себе запихни, папик, – прошипела мать.

Дальше что-то снова шумело, кричали и хлопали оконными рамами, только Андрей не слушал. Он убежал к себе в комнату, рухнул на кровать, спрятался в ворох подушек и так замер. Ни пошевелиться, ни даже всхлипнуть сил не было. Лежал так долго без единой мысли. Потом пришла двоюродная сестренка Аня, принесла книжку. Ничего не спросила, тихо прикрыла за собой дверь. Еще позже зашел отец

и ровно сообщил, что мама больше здесь жить не будет, что она уехала, но всё будет хорошо. И что то, что мама сказала – это неправда. И сидел рядом. А Андрей так и лежал, уткнувшись в подушку и вдыхая ее душный запах. День выдался жаркий....

А потом отец вдруг как зарычит да как долбанет – крепким кулаком по деревянному столу! Бум! Бууууууум!

Андрей аж подскочил на койке, та противно спружинила. Сообразил – сон. На остальное соображения уже не доставало.

– А?! Черт! Apage, bestia!

...Вонючий мышиный помет по углам. Огонек. Шуршание в подполе, но не мышь. Тянет снизу гнилью. Холодно. Грязные лапы, пыльные. Голодная. Веревка жжется и колет. Человек. Всё из-за человека. За стеной шумят деревья. Кричит филин. Охота зовет.

Серые тени бегут по полу как мыши. Серые-серые и еще серые-желтые. И трещит огонек. Снаружи идет снег. Опять. Он холодный и липнет к лапам. Человек Еж лапы связал. Веревка колет. Разгрызть. Человек смотрит и что-то говорит, чего я не понимаю. Ненавижу. Рычу. Он вкусный. Но далеко. И опасный. Боюсь. Снова рычу.

Веревка на вкус горячая. На запах – мертвая уже давно. Болят губы. Человек злится, хоть и не рычит, но скалится и пинает под ребра. Показываю ему, что подчиняюсь, что он

главный. Он еще отвернется. Самец...

Дверь. Её открыть, пока лапы удобные, а потом уже в нормальном виде убежать. И больше сюда не возвращаться.

Снова рычу. Еж сидит и на меня таращится. Он по-прежнему пахнет больным и прелым теплом, и он устал. Нужно только терпеливо ждать, тогда самец уйдет спать. Снаружи уже почти светло, время ночной охоты на исходе. Смотрю на него, жду. Потом притворяюсь, что хочу спать. При враге опасно, но закрываю глаза. "Сплю".

Человек расслабляется, начинает дышать ровнее и глубже, потом скрипит кровать. Для верности жду. Торопливо грызу веревку. Слишком долго. Рву ее и терзаю. Она глубоко врежется в кожу, больно. Внезапно шипит и распускается на кольца. Падает. Бегу к двери, пока человек не проснулся. Я хочу есть! Я хочу на свободу!

И тут проклятые лапы сводит судорогой. Она роняют меня на пол, мне целый миг больно, как если бы шкуру сдирали. А потом лапы снова нормальные, только потолок стал выше и до засова едва дотянешься. Порвала б в клочья! Кого, не знаю. Но скорей, скорей! И бьюсь о дверь, может, поддастся. На улице уже светло, прохрустел снегом сохатый. Скорее!

Еж проснулся. Закричал. Зарычала. Хотела припугнуть. Зарычала в ответ. Оскалилась. Но...

Apage, bestia!

И снова судорога.

Колотит.

Содрали шкуру! Опять голая, беспомощная, с глупыми неудобными... Как же...

Apage, bestia!

Сводит лапы! Сводит, как если бы...

Apage, bestia!

Рычу! Кричу! Содрали! Ненавижу! Как же бо...

Apage, bestia!

A-ах...

Apage, bestia!

Ненавистный са...

Apage, bestia!

A-ах.

Уже не кричу и не рычу. Только лежу и скулю. Я больше не могу. Смотрю на ненавистного человека. Жду, когда уже убьет. А он не торопится. Я прячу неудобную морду в неправильные лапы. Шаги. Вздрагиваю, когда он наклоняется и теребит шкуру. Что-то рыкает, я не выдерживаю. Вцепляюсь ему в руку до крови, до вкусного горячего на языке, очень хочу есть... опять до судороги...

Apage, bestia!

Вою. Задыхаюсь. Захлебываюсь воздухом и слезами. Как же больно. Аж темнеет вокруг, холодно, мамочка, холодно... И есть хочется до смерти... Он шипит, несильно бьет меня по морде, крепко перетягивает мне лапы за спиной проклятой веревкой и тащит на койку. Опять не убивает. Я жду... Мне страшно.

Успел в последний момент. Трансформации у нее просто молниеносные. На полушаге – рраз! – и она уже кошка. А у Андрея со сна простая формула никак не ложилась на язык, сосредоточиться и собрать силы не удавалось. Через мгновение она снова вдруг женщина, стонет от боли, с тем же стоном – черная кошка. И формула, и женщина, и кошка, и формула – замкнутый круг. Начал выдыхаться уже на третьем выверте. А она воет – и обратно. Плачет, бьется в судорогах, снова подвывает – и обратно! И всё вместе больше напоминало пытку, но сделать Андрей всё равно ничего не мог, он начинал понимать инквизиторов, которые сутки напролет боролись с "гримасами дьявола" на лицах своих "клиентов". Руки тряслись. Ощущал себя палачом, впервые вышедшим на эшафот убивать.

Она дышала рвано, вся тряслась, клетот из ее то человеческого, то звериного горла казался совсем умирающим, агонизирующим. У Андрея в голове мутилось, темнело в глазах, пол под ногами раскачивался, как дно утлой лодчонки. Тут был только один вопрос – кто выдохнется первым?

Оборотень сдалась на десятом выверте. В какой-то момент бросил формулу, а она ушла "в молоко".

На полу лежала девчонка – молоденькая, худая, измученная до предела, отчаянно всхлипывающая. А потом затихла и вроде даже не дышит. И жаль ее было до того, что, хоть и опасно – подошел и потрогал, живая хоть? В полуобмороке,

кажется. И, конечно, укусила. До крови... что-то это значило....

Кровь ненадолго привела ее в подобие сознания. Голодная она, вот что. Организм требует пищи. Единственный способ ее получения – охота.

А Андрей тоже хотел есть. И еще – упасть и лежать, не шевелиться. Но он связал оборотнице руки и притащил ту на кровать. На полу ей холодно. Женщина всё-таки. Глаза у нее уже не кошачьи, опять женские. Напуганные смертельно. Маленькая голодная кошка перед диким псом.

– Слушай... ты меня извини, ладно? А впрочем...

Подумал и прикрыл оборотня какой-то старой телогрейкой. Когда подходил к кровати – в испуге съежилась, вжалась в кровать, сделавшись еще меньше.

– Знаешь что? Будем дальше разговаривать. Обо всем. Пока не договоримся до чего-нибудь. Хочешь, о себе расскажу? Или вообще? Или давай о тебе?

Вздохнул.

– Глупо, да. Знаю. Но вдруг получится? Вдруг у тебя мозги на место встанут?

Подкинул поленце в печку и то придавило, было, высокие языки пламени, но потом утонуло в них и тоже засветилось изнутри – розово и тепло. Подумал и затушил свечу. Нужно будет всё же насмелиться и хотя бы один ставень снять. Не сидеть же в потемках. А сидеть – неделю. Или больше. Поскольку после дестка формул на пустой желудок и больную

голову восстанавливать силы дело хлопотное и длительное.

— А мы с тобой почти коллеги, я только сейчас подумал. Оба со всяким древностями возимся. Только ты археолог, а я по антикварной части. У меня вот сейчас амулеты. Кажется, работы Вигилиянция, конец шестнадцатого — начало семнадцатого. Есть в коллекции скарабей. Настоящий колдовской скарабей какой-то средневековой ведьмы. Есть десяток ритуальных кинжалов. Есть женские украшения с несложным, но полезным заклятьем привлекательности. Но вообще у меня коллекция небольшая, я мало что себе оставляю. Ничего такого, из-за чего можно было бы убить. Я, по сути, перекупщик. И иногда мародер. Ты, оборотень, тоже, кстати. Мы тревожим прах умерших и присваиваем их имущество. Наверно, то кольцо из бирюзы и жемчуга носила какая-нибудь жеманная придворная модница, а теперь оно лежит у меня под стеклом. Оно стоит весьма приличных денег и вызывает зависть у других коллекционеров. А вот отец специализируется на вещах с боевой магией. А ты на чем специализируешься?

Она глядела с напряжением и недоверием. Молчала. Не шевелилась.

— Наверно, на каких-нибудь бытовых предметах какой-нибудь народности? Наверно, лазишь по могилам тысячелетней давности и моешь косточки? Интересно, нравится тебе работа? А, оборотень?... А у вас тут зимы холодные. Я уже и отвык. И еще у вас жизнь медленная. Никуда никто не

спешит. Странно, правда? У нас вот все торопятся, каждая минута дорога, у меня обычно в день до десятка клиентов, которым нужно всё объяснить, всё показать, которые хотят урвать кусочек пожирнее и подешевле... А у вас... Я тут и работой-то толком не занимался. Я за всё время здесь от силы десятков безделушек выудил. Я, кстати, в ваш музей один раз ходил. Хорошая экспозиция. Понравилась ваша бронза. А вот идола в углу в третьем, кажется, зале, не понравились. Ты в курсе, что им человеческие жертвы приносили? Я не знаю, кто и когда, но видно. Намолелные очень и темные. И старые... Если с ними долго возиться, может беспричинно болеть голова. Или неприятности случаться. Не замечала?

До момента, когда в горле пересохло, а через щели в ставнях засочилась зимняя белизна, Андрей успел рассказать даже про домашнюю любимицу Адетту, которая умерла от старости четыре года назад, и про приятеля Валерку, трижды пресечь попытки оборотня перетечь в звериную ипостась и понять, что ничем не помогает эта веревка с заклятьем, потому что сил не осталось подпитывать чертову формулу удержания. После сил начало не доставать даже на то, чтобы продолжать трёп. Или казалось, или на самом деле – глаза у нее опять желтые и зубки заострились...

Болели покусанные руки и вертелась насчет этих укусов какая-то настойчивая мысль...

И очень хотелось есть. Отдал оборотню косточки тетерева. Ей, конечно, на один зуб. Смолотила с пугающим про-

ворством и с надеждой уставилась на облагодетельствовавшего её человека. Человек же подумал, что, в общем, те кости можно было тоже еще поглотить.

– Слушай, если бы ты соображала, кто ты, то ты бы уже могла уйти на охоту. И принести пожрать. Думаешь, я не хочу есть? Ну, чего уставилась?! Проклятье!

А, чего ей! Глазищи эти...

И свеча, мать её, закончилась лужей парафина. И вторая тоже.

Это, стало быть, три часа.

Парафин по столешнице в трещинах разлился паутиной, оборотень на койке возится, шуршит, временами стонет, а то вдруг опять за старое берется. И – arage, bestia! Раза три уже.

Еще одна свеча. Осталось их всего ничего. Перепробовал уже все темы, которые вроде бы до потери сознания привлекают женский пол – от таинственного Миши до последних европейских мод, но, как видно, ничего она из человеческой своей жизни не помнит уже и не вспомнит больше. Гуманнее всего было бы отвести ее поглубже в лес и там отпустить. Не сможет быть человеком, так хоть пусть пантерой.

В четвертый раз "arage, bestia". Она, когда плачет, совсем девочка. Когда успокаивается, видно становится, что зверь. Может, правда, отпустить, чем мучить? С другой стороны, слишком близко от города. Постреляют. Или сама кого-нибудь задерет, что вероятней...

Еще свеча – и примерно полтора часа. Это, значит, вечер. Ближе к ночи.

Отлучился по нужде. На улице слегка потеплело. Звезды в черном, местами белой гуашью подмазанном небе расплзлись широкой дорогой, а само небо выдвинулось высоко-высоко, куда выше городского. Елочка у домишки нахохлила лапки в снежном завале, уже не полная, с краю обтаявшая луна бликовала на задорном хохолке. Пару лапок пощипал на чай, набил карманы. Потом сходил, значит, куда надо, еще подышал свежайшим после пыли и дыма избушки воздухом, потом опять этот долбанный кашель – пошёл в дом. А на пороге опять пантера. Рычит, скалится. Значит, всё, веревка окончательно "разрядилась".

И даже силы и желание кошку мучить – закончились. Опять звенело в голове. Подымается температура. Хоть бы таблетку аспирина. Она бы спасла. Натурально...

– Что, есть меня будешь?

На удивление, раздраженно мотнула хвостом и убралась с дороги. Мрачно сверкнула глазищами и улеглась на свою койку... Там затихла. Тоже устала...

Даже позволила опять примотать себя веревкой к изголовью и послушно обернулась девушкой.

Четвертая свеча...

Очень хотелось только двух вещей – спать и есть. Третьи или четвертые сутки без еды? В плену не поел. В голову просто не пришло сперва поесть, а потом уже драться. Хотя как

это можно было бы представить? А есть при трупах... Вдруг вспомнилось, как до чертиков вкусно там кормили.

Пятая свеча.

Подумал насчет новой попытки "прыжка". Чуть не взвыл от бессилия – на обуздание оборотня они, едва собранные силы, и ушли. И морозит.... Араге, bestia! Спи...

Четвертая свеча. Кривая, под конец зашипевшая фитилем в уже сплошном парафиновом море на столешнице.

Спи, только не плачь. Вот чего ты реवेशь? Ты-то чего?! Я тебя отпущу, не волнуйся. Вот наскребу силенок, тебя заброшу куда-нибудь подальше в лес, чтобы не было у тебя искушения сходить покушать в город или по деревням. Сам домой уйду. Лады? А ты не реви. Ничего ж не понимаешь, а реवेशь. А у меня знаешь, как голова болит?!...

Шестая свечка.

Будешь единственной в Сибири пантерой. Ты только вдумайся... Может, с утра смогу... Ох, чёрт...

Седьмая ...

Ни черта с утра не сумею. И с вечера тоже. И... четвертый или пятый день будет? С вечера, в смысле... Или с утра... Шшш.... Тихо... Тихо, киса... Не дерись...И не реви.... Шшш... Душно тут... Воняет парафином...

Невозможная духота.... И жрать охота... Тебе, киса, тоже хочется?... Ну шшш! Прекрати... Терпеть не могу женские слезы... Знаешь что, я уже больше не могу тут с тобой сидеть... Я... пойду...

Шипит свечка. Последняя... Пальцами ее – хлоп. И всё...
В город надо. Домой...

Алинку Ковалеву всегда и все любили. В школе обожа-
ли учителя, в танцевальном кружке тренеры, в университете
преподаватели, на нынешней работе – начальство души не
чает. А, казалось бы, чего в ней такого? Ну, на лицо прият-
ная, но не красавица уж совершенно точно. Ну, умная. Так
мало ли в наше время умных баб? Наверно, просто умеет
нравиться. Опять же, некоторым словно бы от природы до-
стается такое счастливое умение...

Не то, чтобы Наташа Свердлова завидовала... В конце
концов, подруги с детства, и Аля никогда в помощи не отка-
зывала... Но когда на экзамене Альке выставляют "отлично",
а сдающей следом Наташе "хорошо", а то и "удовлетвори-
тельно" – а ведь вместе учили, по одному конспекту! – обид-
но до слёз. Или вот на работе нынешней – опять же вместе
устраивались, Алю без разговоров взяли, а Наташе начала
отказали, а потом только, на следующий день перезвонили с
сакраментальным "мы подумали, вы нам подходите". А всё
почему? Нравиться умеет. С первого взгляда.

Нет, ладно, если честно, то иногда завидовала. На рабо-
те, на учебе... Но никогда – в личной жизни. Вот там у Аль-
ки не клеится, начинаешь понимать, что есть в этом мире
справедливость. Как-то не идут у Али ни одни отношения
дальше стадии дружеских. Западают на неё многие, это да.

Но как западают, так и отпадают через пару месяцев пустых ухаживаний. Становятся, значит, боевыми товарищами. На-счет этого всего Натка не без некоторой доли удовлетворения – старательно подавляемого, разумеется, чуть стыдного – думала, что хоть в чем-то перещеголяла отличницу Альку. Вот у Натки мужиков всегда было, как она всегда цинично-самодовольно в задушевных беседах с подружками говорила, "тыща штук без НДС". А Алька по жизни одинокая, как незнамо кто. Оттого и на работе по четыре часа сверхурочно сидит – дома-то не ждет никто.

И вот, наконец, вроде как свершилось. Вроде как приехал к ней в гости Колька, который к ней неровно дышит с самого первого курса. На вид не ахти какой, но мужик же...

В четверг это было, а в пятницу она не пришла на работу. Ну, думала, дорвалась до мужика, загуляла. Но потом она не отвечала на телефонные звонки весь вечер пятницы и в субботу. Но с ней такое и раньше бывало – забудет зарядить аккумулятор телефона, все выходные молчок. В воскресенье не открыла дверь, хоть Натка и трезвонила с полчаса. Тогда Ната всерьез заволновалась.

А в понедельник вечером позвонили из уголовного розыска. Сказали, Аля пропала. Задавали всякие разные вопросы. Вечером алинину фотографию показали по местному каналу в промежутке между новостями культуры и репортажем про задранного каким-то неизвестным зверем парня. Тоже ужастик, среди ночи на окраине города задрали. Собаки, на-

верно. Они зимой собираются в стаи и даже на прохожих нападают. Хотя в репортаже сказали, что не волк и не собака точно...

Но про Альку страшней. Вдруг какой-то маньяк? А Алька всё-таки подруга...

Глава 5. Воющие собаки

Собаки выли.

Выл ветер в щелях.

Скрипели нары. Ворочались на них во сне люди. Корявые, злые, смирные люди. Дух по казарме стоял тяжелый, сальный от сотни немытых тел и дрянных свечей. Дрянным людям дрянные свечи.

Ванька-Сухарник храпел, блажной. Во сне мычал жалостно шпанок Даниил. Свечи в дальнем конце казармы чадили и шипели. Дергался кто-то – звякали кандалы.

На наказание сегодня водили Федьку-Шныря, теперь он бредил каким-то прошлым своим, бормотал: " Я тттаяя ща, я т-тя..." И так бесконечно.

Скрипнула дверь – событие фантастическое. На ночь запирают казарму и не отпирают, хоть все сто шесть человек злой смертью помри. Конвойный зашёл, пронёс свечу, раскидывая чад теней по потолку и углам. Против некоторых нар замирал, вглядывался в спящего или только притворяющегося спящим арестанта. Против одних застыл надолго, потом, не забываясь понизить голос, окликнул:

– Косой! А ну подымайся, Косой! Начальство за тобой!

Косой дернулся спросонок, едва не огрел конвойного кулаком, да опамятовался. Испуганно зыркнул, но не спросил

ничего. Натянул только ушанку, а спал из-за холода все равно в верхнем. Зло ткнутый в плечо, засеменил к двери.

Цепные псы примолкли, за дверями было очень тихо.

На дворе ждали еще двое. Эти двое были черны, лиц не видно. Даже светильника никакого с собой не взяли, словно бы кошки – в темноте видят. Без лишних слов повели – через весь двор в сторону кухонь. Стукнуло сердце – в сторону ворот ведь ведут, к свободе. Потом в страхе затряслось: "Куда ведут-то, чертяки?!" Мимо частокола палей, мимо амбаров и сараев, к воротам через вал. Нутром чуял Косой, что не к добру. А спросить не мог, отнялся словно бы язык. Только кандалы нераскованные звенят и снег хрустит. Давно мечталось небо ночное, звездочки хоть одним глазком увидеть – забылось и про звезды.

Остановились у реки. Река совсем застыла, отсвечивала белым. Один из сопровождающих обернулся к конвойному, кивнул:

– Ступай! Сами дальше.

По голосу узнал Косой майора, падлу. Нехристь, столько уже в могилу свёл, не счесть. Совсем страшно стало и знобко.

– Господин майор, по что...

Тот только сплюнул:

– Молчи, отребье.

И до того жутко сделалось Косому, аж ноги подкашиваются.

Второй что-то шепнул, дернул куда-то, толкнул на землю.

Косой и понять не успел. Вспыхнуло ярко, завершало, завертелось! Кольнуло под ребра... В меркнувшем свете успел Косой разглядеть одну крупную звезду и глаза нехристи-майора – действительно кошачьи, желтые.

13 января 1870 года. Каторга "Старое"

—

Сухарник – выполняющий чужую работу.

шпанок – простой мужик, крестьянин, осужденный на небольшой срок за незначительное преступление.

шнырь – берущий на себя чужое преступление за вознаграждение

высокий деревянный столб.

Алина

Очнулась от скрипа.

Тоненький, навязчивый скрип резанул по напряженному слуху и выдернул из странного сомнамбулического оцепенения, в котором пребывала невеста сколько уже. Ощущение – как после затяжной болезни. Последние дни – как в тумане. Этот мужчина, Ёж, свечи... Что-то еще, совсем уж смутное. Теперь и не вспомнишь.

Но сразу поняла – что бы там ни было, уже закончилось. В голове прояснилось, в теле – легкость, хоть сейчас подымайся и беги стометровку. Темно, потому что или свечи кончились, или были потушены. Странно, но виделось всё пре-

красно. Темные разводы на потолке, стол, слабо отсвечивающий белым, тоненькие лучики от щелей в ставнях. Алые угольки в печке. Сильно пахнет парафином и плесенью.

Странно, но привязана. Веревкой к изголовью койки. Избавиться, впрочем, от скользкого шнура проблем не составило. Подцепила зубами и разом ослабила узел. Определенно, не помнила, кто и когда прикрутил к кровати. Память вообще как-то кусками – что Ёж про призраки рассказывал, помнила, как он кашлял и ругался – тоже, а вот зачем привязана – нет.

Еще через некоторое время поняла, что в домике одна. Ёж ушёл.

И какое-то время понадобилось чтобы сообразить, что означает его исчезновение. Ушёл. Один. В маловменяемом состоянии. Он же...!

Подскочила и заметалась в поисках – чего бы накинуть. Не нашла, только тряпье какое-то, а под кроватью, вот смех – тапки домашние, розовые. Распахнула дверь – холодно, мороз сразу защищал щеки. Прояснилось. Звезды яркие, луна висит надщербленная. На луне взгляд зацепился, почему-то, идущая на убыль, она казалась важной. Впрочем, нерешенным оставался вопрос с тем, чего можно накинуть.

Снова поглядела на луну, наконец вспомнила и сделала самое естественное, что могла – упала на четвереньки, приземлившись на лапы. Легко и просто, как если бы с детства этим занималась. От ступенек вела ясная дорожка запаха –

колючего, серо-коричневого и стойкого. Да даже и без него – глубокая борозда в снегу. Человек шел медленно, едва волочил ноги. Он не мог убраться далеко.

Нагнувшись к следу, вдыхая его яркое ощущение, победоносно. Лес опять проснулся и с ним проснулся слабый голод, только больше он мыслей не путал и не сводил с ума. Взяла на заметку – недавно здесь были куропатки. Но подождут. В крайнем случае сунуться поглубже в лес.

А Ёж действительно не сумел убраться далеко, нашелся на полпути к площадке раскопа. И он был не один.

Есть такая легенда. Про то, как встретились оборотень и обычный человек. Встретились и полюбили друг друга. Потому что он был большой и сильный Кот, а она – хрупкий и красивый восточный цветок. Из местных, из татарларов. У нее были большие черные глаза и лицо, наверно, круглое, как их любимая татарларская луна. У него – широкие плечи и дерзкий взор. И еще он спас ее от разбойников, когда она возвращалась с ярмарки и отстала от подруг. И она, конечно, бросилась своему спасителю на грудь. И понятно, что было дальше. Про такую любовь можно было бы сочинять стихи и петь песни. Про то, как темными ночами она сбегала из женской половины, как тихо, ловко проскальзывала мимо спящей молочной матери, как подговорила самую свою верную подругу молчать и помочь проснувшейся любви. И еще про то, как у реки ждал ее возлюбленный, про то, какие слова

они друг другу говорили.

Только никто не споет песен и не сочинит. Счастье было недолгим.

Однажды луна на небе стала совершенно такой же круглой, как личико красавицы. И на берегу вместо красавца-батыра ждало ее разъяренное чудовище с глазищами огненными.

Что было дальше, так толком и неизвестно. Одни сказители утверждали, что чудовище набросилось на красавицу и, забыв о прежней любви, растерзало ее на части. Другие говорили, что девушка от страха тронулась рассудком и утонула в реке. Ну а третьи, из любителей добрых концовок, говорят, что никакого чудовища не было. А влюбленные просто сбежали от родителей девушки, не дававших согласие на брак.

Только Коты, конечно, догадываются, что все-таки растерзал красавицу батыр. Потому что зверь в человеке всегда сильнее.

Ёж обнимался с деревом. А над ним навис совершенно незнакомый человек. Мужчина. Рыжий, как огонь. Источающий волны такой злости, что шерсть сама собой встала дыбом, а перед глазами затянуло розовым туманом. И дальше в этом розовом тумане все происходило стремительно.

Рыжий замахнулся на Ежа, а тот болезненно вскрикнул и начал заваливаться на бок.

Алина зарычала. И кинулась на рыжего. Он был такой

злой... И, когда вцепилась ему зубами в икру, оказалось, что еще и очень вкусный.

Рыжий взвыл. Отцепился от Ежа и повалился на Алину. Но он был слабей.

Рвать и терзать!

Розовый туман сделался красным. Вкусным и сочным. И остановиться не было уже никакой возможности. Ни в какое сравнение не шла горячая человеческая кровь с жиденькой кровью тощих от зимы куропаatok.

– Пусти... гадина... – хныкал человек. И уже почти не трепыхался.

Ну нет... попался... Вкууусный...

– Apage, bestia... Алина... ты же человек...

И наваждение схлынуло. Через боль содранной по живому кожи. Через страх сумасшествия. Пантера внутри оказалась сильнее. Она бы ведь убила этого человека. И Ежа бы убила! Господи...

У ног хныкал растерзанный рыжий человек. И сидел, привалившись к стволу сосны и прикрыв глаза, Еж. Очень бледный.

– Чего тебе от нас нужно? – спросила у рыжего.

Рыжий глянул ошалело. Сжался в комок. И... исчез.

А Еж остался. Застонал, не открывая глаз.

Дальше стоило больших усилий заставить его возвращаться. Рычала, покусывала, била и толкала. Он ругался монотонно, пытался присесть в снег, угрожал чем-то там, бормо-

тал себе под нос... И, кажется, опять пахло могильно и опять где-то далеко заламывал руки раскоповский страдалец. Но он больше не пугал. Дошли. Там перекинулась – ведь это "перекинуться" называется? – и заставила его лечь. Последние – разве что в погребке еще есть, а в ларе точно больше нет – дрова скормила "буржуйке", три свечки отыскала, но поберегла на самый крайний случай. Посомневалась, у задремавшего Ежа пощупала лоб, нашла горячим. Но есть в любом случае нужно. Ушла на охоту, пока еще до утра далеко, и есть шанс что-нибудь изловить.

Кстати, было немного неловко мыслить по-новому – охота, добыча, оборотень...

Куропатка вышла одна, и еще один глухарь, тощий и старый. На первое время...

И, видимо, последние приключения Ежа окончательно доконали, потому что он то спал, то болтал всякую чушь. Али-на подумала, было, этак полусерьезно, слегка стыдливо, что можно было бы просто уйти домой и всё забыть. Но нет, конечно, не ушла. Поила Ежа сомнительными отварами, результатом своей скудной фантазии. Кидала в самодеятельные "чай" всё, что под руку попадало – хвою, горько пахнущую полынь, столбики зверобоя, не зная, как на самом деле правильно и дает ли такой состав какой-то эффект. Еще поила бульоном и водила к будочке на дворе. И приглядывалась. Заросший, одетый не по сезону, умученный. Странный, в общем. И как он оказался в почти двух десятках ки-

лометров от города среди ночи в декабре?

Где-то под конец вторых суток отчаялась, разочаровалась привести его во вменяемое состояние – и предприняла экспедицию в соседнюю деревню, Старовское. Вообще-то она всерьез раздумывала над тем, чтобы попросить помощи у деревенских, кое-кого она еще помнила с лета. Но потом отказалась от идеи – а чего им сказать? Что, дескать, здрасте, я тут случайно, мимо пробежала, а вообще-то я оборотень и давно бы уже домой умотала, да у меня там в избушке мужик больной, откуда прибрел – не знаю. Вы нам не поможете? Может быть, даже не ненормальность ситуации, какая-то подсознательная опаска открыто пойти за помощью не позволила. Какое-то предчувствие нехорошее.

Воспользовавшись временным затишьем, вечером третьего дня выскользнула из избушки и побежала в деревню. Темно, тихо, что делать в деревне, знала не очень. Помог случай. Кто-то оставил дверь машины открытой. А там аптечка дорожная. Вот её в зубы и была такова. И, кажется, какой-то мужик всё же застукал, но Алина этим фактом не сильно огорчилась.

В домик возвратилась в хорошем настроении, поглядела – Еж вроде спит, и спит спокойно, принялась за исследование добычи. Сидела при свечке, соображала – аспирин, парацетамол, и еще какие-то таблетки, порошок... и что со всем этим добром делать?

Петька Иванов возвратился домой с гулянья с большими глазами. Петьке едва-едва исполнилось пять лет, он не выговаривал букву "р" и вообще, когда бывал излишне возбужден, начинал лопотать совсем неразборчиво, поэтому раз в неделю ездил с дядей Ромой в райцентр к логопеду. Бабушка смеялась, говорила, сказываются татарские крови – дед Петьки был на четверть татаринком. По Петьке временами это становилось понятно и кроме его неразборчивой речи. Щеки у Петьки были круглые, а черные глазенки, когда смеялся – щелочками.

Сейчас же восточные детские глаза сияли восторгом и полнейшим счастьем. Он завалился в сенцы, разбрасывая снег с шубейки и валенок, размахивая в возбуждении руками, закричал:

– Маам! Мам! Тама в кустах, у гог'ки! Огг'омная! Как в мультике! Пантег'а! Чег'ная! Вот такенная!

– Пантера?

Мать – круглая, встрепанная, всегда усталая – выкатила в сени с веником, распахнула дверь в стужу, принялась торопливо смахивать с петькиной шубки и с пола снег обратно на улицу. Пахла мама привычно и уютно – борщом и булками, поэтому Петька как был в мокрой шубе и насквозь промокших варежках – прижался к широкой груди и продолжил:

– Огг"омная! Здог"овенная!

– Ты меня не холодь! – фыркнула мать, отстраняясь, бесцеремонно и сноровисто стянула с сына одежду и толкнула

того в комнату – ужинать. – Потом расскажешь.

За тарелкой история про пантеру обросла новыми подробностями – кроме того, что животное оказалось черным и "такенным" (широко разведенные петькины ладошки и еще до края стола), так еще и повело себя странно. Пантера вышла на детскую площадку, понюхала землю и ретировалась от детского визга и снежков в кусты. Впрочем, детские фантазии никого за столом особо не заинтересовали, вот плюшки с твОрогом – это да, это занятно. Это вам не соседский черный котяра Васька, силой детского воображения выросший до сказочных размеров.

Вечерком заглянула дядя Рома – был смурен, сердит, от предложенной стопочки не отказался, что случилось с ним крайне редко. Потом разговорился, долго ругал начальство и правительство, обещал "как тока станет депутатом" – расстрелять всех к едреней фене. После второй стопочки мутно признался, что в деревне чертовщина какая-то творится уже и средь бела дня. Больше ничего не объяснил, домой ушёл в еще более мрачном настроении, потом отчалил в длительный запой. На этой неделе Петька в райцентр не поехал.

А, всё сразу.... Парацетамол, аспирин... Чай – терпкий, острый. Сама его вылакала черт знает сколько.

И ждать. Долго. Невыносимо. Жалко его. И себя жалко. И всех жалко. И так погрязла в этой жалости, что хоть ревмя реви. И, наверно, поревела бы в конце концов. Раз уж...

И внезапно стало неуютно, ощущение чужого настойчивого взгляда в спину, обернулась – не спит. Сидит и смотрит настороженно:

– Оборотень?

Отчего-то обиделась – возилась тут с ним три дня, а он еще и обзывается!

– У меня, между прочим, имя есть. Алина я.

– Алина, значит... – усмехнулся одному ему известной мысли. – Алина... Это очень хорошо. Ты как, в себе? Есть меня не будешь?... Ох, блин... Подойди-ка сюда, Алина

Пожала плечами, послушалась.

Он щурился, разглядывал с бесцеремонностью покупателя хомячка в магазине. Неожиданно выдал:

– Ну, раз Алина... Я Андрей. Андрей Шаговский.

И дернул за руку. И мир обвалился темнотой.

Чтобы почти сразу обрасти серым утренним светом, тухлой вонью и летучим ознобцем по коже. Ёж... то есть Андрей выпустил из захвата. Зеленые обои, тяжелый стол-бегемот, на нем горшок с цветком. Цветок давно коричневый, сухой – помер чёрт знает когда. Тухлятиной всё ж тянет – что-то пропало.

– Ну вот, дом родной...

Хотела сказать, что мило и вообще замечательно, но...

Взвыло, воздух вздрогнул, пошел маревом... пока сообщала, прямо из воздуха мужик вышагнул, чернявый такой, слабо знакомый. И очень уж быстро все пронеслось. Под

внутренние часики.

Тик-так.

Вышагнул.

Тик-так.

Выбросил руку вперед, а в руке вещь непонятная, как мешек алый, изнутри угольком светится.

Андрей вскрикнул.

Тик-так... Что за?...

Воздух словно загустел, потек желатином. Шерсть на зашивке вздыбилась, защекотала. И когда успела... шерсть?! Не важно. Опасность.

Тик!

Не теряя времени, мужика – когтями в лицо. Так правильно.

Так!

А он – рррраз! – и нет его, исчез! Словно и не было. Зарраза.

И тогда воздух опять сделался легким и тухлым, а часы понеслись с бешеной скоростью – тик-так-тик-так-тик! Только и успевай соображать. Андрей ругается, подымаясь с полу, потом неровно ковыляет к креслу. В него падает.

– Ну что, Алина, как тебе моя квартирка?

Сразу, с первого вдоха понял, что барьер разрядился. Еще бы – месяц без подпитки хозяина.

Ну и, конечно, ждали. Какая-то следящая формула, дело

легкое и быстрое. Куда проще электронного жучка. Так что о появлении в доме хозяина заинтересованные господа узнали моментально. Что и продемонстрировали. Оборотень Али-на спасла снова. Жалко, любопытный господин сбежал, а то можно было бы порасспросить... Хотя чего уж тешить самолюбие – в нынешнем-то состоянии расспрашивать?

Кошка подошла, ткнула носом в колени.

– Оборачивайся обратно, не трать силы.

Она мотает мордой и к чему-то принюхивается. Тихонько вопросительно порыкивает.

Ну да, на кухне сгнили продукты. Теперь, соответственно, благоухают.

– Это на кухне что-то испортилось. Надо убрать.

Зато дома. Наконец-то. Нужно только поднять барьер от незваных гостей и навесить еще штук пять следилок – на окна и на входную дверь.

– Ну, давай, становись уже человеком. Сейчас тебе вредно слишком долго бегать в шкуре. Опять "ломать" начнет.

Не слушает, снова рычит и тянет в коридор. Там темно и узко, дурацкие советские планировки, зато теперь заметил. Конечно, кошки такие вещи ощущают на уровне подсознания...

Ловушка. Растянутая на высоте полуметра от пола паутинка. Приходилось такую уже как-то ставить на сейф, когда Эсташ отдавал на хранение одну очень ценную вещь. Попавшему в такую паутинку не позавидуешь – очень боль-

но, не считая парализации. И не слишком легально, кстати. Моя паутинка куплена была подпольно, весьма недешево обошлась. Сигнализациям уже тогда не доверял.

Значит, дома ждали. И с большим нетерпением.

– Не вздумай подходить близко. Погоди...

Как снимать паутинку, знал. Теоретически. Реагирует только на живых существ, поэтому, например, швырять в нее камень бесполезно, не сработает и не разрядится. Вот лабораторную мышь – можно попробовать. Только где ж ее взять? Впрочем, за мышь сойдет любая безделушка, должным образом подпитанная.

– Стой, я сейчас...

В комнате. В книжном шкафу. Целая коллекция болванок для амулетов.

Паутинку сняли. И еще одну, в ванной комнате. Третья стояла в крошечной кухоньке, растянутая между столом и табуретом, но её снимать пороху уже не достало. Просто прикрыли дверь и предпочли сделать вид, что ничего не заметили. Кстати, эта же процедура, закрывание двери, несколько смазала зловоние.

Нда.

– Ну и кто же тебя так не любит? – фыркнула. – Аж два раза уже напали.

Серьезный вопрос...

Она, уже в нормальном своем виде, сидела в кресле и явно получала удовольствие самого факта в нем сидения. На-

до же, и в человеческом обличе что-то от кошки. Разомлевшее, довольное, красивое животное... Само собой – тепло, светло и мухи не кусают.

– Возвращаю вопрос. Кто не любит тебя? Настолько, чтобы инициировать, но не позаботиться об обучении? Чтобы позволить бродить где попало, рискуя еще и жизнями посторонних?

Покачала головой.

– У меня нет в друзьях оборотней, – без тени ехидства сообщила. – Волшебников и магов тоже. Или как вас там называть? Чародеи, волхвы, кудесники?

– Магически одаренные. Люди со способностями. Обычно мы так друг друга называем.

– А мы, люди без способностей? Как нас вы называете? – спросила с вызовом и нажимом. Вообще вся сделалась напористой, сердитая, вот-вот упадет на лапы и оскалит клыки.

– Простецы. Не знаю, кто придумал, но "престец" – это...

– Я знаю, кто такие простецы. Всё-таки историческое образование. Что ж, спасибо.

– Ты теперь не простячка.

Скривилась, как от зубной боли. Замотала головой.

– Оборотень. Пантера, ага? Замечательно! Я теперь буду периодически бегать в лес поохотиться, а с голодухи кидаться на своих студентов? И пугать всех желтыми глазами? Обрастать мехом и рычать? С ума сходить от вида сырого мяса? Зато не простячка, да?

Думал, сейчас точно перекинется, уже приготовился ловить, уже прикидывал, сработает ли формула... А она всхлипнула раз, другой и заревела тихонько, но тягостно. Стоял, как пень, не мог сообразить. Для обратной хотя бы формула есть. А вот что делать с ревушей женщиной? В конце концов, чувствуя себя донельзя глупо, сходил в ванную комнату и принёс полотенце. Присел на пол, снизу вверх заглядывая в лицо.

– Ты это... Живут же, и ничего. Вот у меня приятель... Он волк. Работает, между прочим, помощником преподавателя в университете, пишет магистерскую диссертацию, нормальный такой парень. Ни разу в жизни ни на кого не напал. И знаешь, оборотни живут дольше. Средняя продолжительность жизни – сто двадцать лет, и практически никаких болячек. Ну, разве так плохо?

Шмыгнула носом, спрятала лицо в скомканном полотенце. Вынырнула, бросила несчастный взгляд:

– Я... я чуть тебя не убила...

– Тебя всего лишь не дрессировали как положено. Ты не виновата. Не убила же? И переболела самостоятельно, теперь легче будет. Скоро совсем хорошо научишься себя контролировать. Зато представь, как удобно? Археолог ты? Ну, не знаю, разведку лесов проводить, а? Или не катит? Опять же... ну... в общем, я тебя со своим Вольфом познакомлю, он тебе лучше всё расскажет и объяснит. Это же здорово, покошачьи-то? Ну, там... Я не знаю...

Постепенно она успокоилась под глупую, запинаящуюся болтовню, полотенце уронила на кресло, швыркнула носом в последний раз и кивнула:

– Наверно, привыкну. Совсем раскисла. Просто, черт, это было так похоже на сон, что даже как-то... Ну, я думала, вот проснусь... Или вот вернусь домой... Ой, нет, сейчас опять разревусь, как корова. Я... я до ванной дойду...

– Только на кухню не заходи!

– Помню.

Пока она шумела водой, шатался по комнате, пытался сообразить, не пропало ли чего. Стол, телевизор, тут же компьютер, книжный шкаф. В шкафу все документы. Проверил папку – паспорта, удостоверения личностей на двух языках, доверенность на подписание договоров... Нет, не похоже, чтобы здесь шарились посторонние. То есть ловушек поставили, а вот поинтересоваться делами "клиента" не удосужились. О чем это может говорить? О том, что похитители и так всё знают про похищенного? О том, что им нужен именно Андрей, а не младший компаньон фирмы "Шаговский и сын" с его магическими безделушками? На кой хрен вообще кому-то сдался далеко не самый сильный и не самый перспективный маг? Зачем такие сложности – похищать, держать взаперти почти месяц, караулить? А что караулили, понятно по оперативности нападения. И этот чернявый...

Вспомнил про телефон, включил автоответчик. Сообщение накопилось аж тридцать пять штук. Запустил прослу-

шивание с последнего. Последним был отец. Фон почему-то оказался трескучий, с помехами, но разобрать можно было:

– Andrzej, gdzie ty? – начал отец по-польски. Что сразу насторожило. Обычно в телефонных разговорах отец предпочитает русский, – Почему не отвечаешь на звонки? Очень волнуюсь. Перезвони, как сможешь.

Это от пятнадцатого декабря, предыдущее сообщение от отца же – днём раньше. Примерно того же содержания. Десятого сообщение пообъемней, опять же по-польски. За год жизни в России слегка отвык от жестко-скребущего звучания, с непривычки показалось забавным...

– Здравствуй, Андрей. Надеюсь, ты всё-таки жив и до тебя мое сообщение дойдет. Три недели от дня твоей пропажи. Я уже пол-Европы облазил, я добрался до твоего друга из Франции и растряс его, а он растряс своих. Ничего. Я съездил в твою дыру, Заречец, поднял на уши милицию. Они объявили в розыск, но вряд ли эти идиоты до чего-нибудь докопаются. Сейчас я в Лешно, пробую достучаться до Кординаторской. Если ты слушаешь мое сообщение, пожалуйста, позвони. Да, чуть не забыл, Вольф тоже пропал.

Так, а вот это уже новость...

В ванной шуметь прекратило, звякнуло, потом щелкнул замок. Алина прошлёпала босыми пятками по полу, плюхнулась в кресло.

– Автоответчик? Я включу телек? Гляну, какие новости? Я потихоньку...

– Да, разумеется.

Пятого октября звонил сам пропавший Валерка Вольф.

– Андрей, ты где? Слушай, я уже все подворотни облазил! Вынюхал каждый сантиметр! Никогда не прощу себе, что отпустил тебя тогда одного. Хотя... Глупо. Слушай, черт подери, ну пьяный, ну с кем не случается?! Да что могло случиться в одиннадцать вечера?! Слушай... А, черт, ладно! Только позвони, а, ёж лохматый?! Ты живой, слышишь?! Живой!

Дальше по убыванию – четыре звонка от Тани, знакомой, три от коллеги из Лодзи, два от Эсташа, ну и отец начал звонить в конце ноября.

Надо же, как все вдруг озаботились скромной персоной Андрея Шаговского. То месяцами телефон молчал, в лучшем случае отец коротко брякнет "как дела, а не приобрести ли мне...", да Конрад поинтересуется, скоро ли приятель изволит покинуть "эту варварскую Сибирю". А тут целый аншлаг, стоило только единожды не ответить...

– Оооо... – кошка из-за спины охнула.

– Что?

Только кивнула и прибавила громкость. Судя по всему, новости. Что её так...?

– Население города в панике, – вещала молоденькая дикторша в синей форменной блузке и с дежурной скорбью на лице. – Труп молодого мужчины тысяча девятьсот восемьдесят второго года рождения со следами укусов был найден на пересечении улиц Волховской и Лукьяновской. Согласно

заклучению специалистов, мужчина был загрызен крупным хищником семейства кошачьих. Специалисты на настоящий момент не могут соотнести характер ранений со строением челюстей ни одного из видов хищников, обитающих в нашем регионе. Это уже вторая страшная находка за последний месяц. Одна из версий – побег животного из зоопарков ближайших городов. Направлены официальные запросы. А пока в городе нарастает волнение, официально числятся пропавшими без вести еще трое – Алина Сергеевна Ковалева восемьдесят третьего года рождения, Шаговский Андрей Александрович восьмидесятого года рождения, Валерий Иванович Вольф восемьдесят второго года рождения. Их фотографии и списки особых примет вы видите на экране...

Алина дернулась за пультом, уронила, дрожащими руками подняла и вырубил телевизор.

– Это... Это я их... убила?

Часть 2. Изнанка

Глава 1. Перешагнуть Рубикон

...В первобытных культурах постфигуративного типа бытовала традиция «селективного отбора» потомства. Поскольку младенец не имеет еще самооценности как уникальная личность, постольку от слабых и нежизнеспособных младенцев, от новорожденных с уродствами и близнецов спешили избавиться доступными способами. Например, в Спарте таких детей сбрасывали в Тайгетскую пропасть, подобные практики существовали и в других «воинских» культурах. Смысл отбора заключался в отсеке детей, потенциально неспособных стать воинами или матерями здорового потомства. Схожие порядки существовали и в Кланах, но имели основанием под собой не желание вырастить воинов, а вполне серьезную опасность вырождения малочисленных групп редких Тотемов. Например, зооморф с синдромом Райнована в большинстве случаев не способен произвести здоровое потомство без генетических нарушений. В пределах замкнутого клана такой ребенок представляет опасность для выживания будущих поколений. Известно, что только префигуративная культура меняет отношение к детям. Особенность данной культуры заключается в возможности старшего поколения перенимать опыт младшего поколения, следовательно, меняется отношение к детям. Меняются моральные

принципы, обоснование необходимости защищать ребенка и принимать его таким, какой он есть, заключается уже в ментальных установках...

Энциклопедия культур Кланов

Ребенок Антона умирал, Антон знал это уже две недели.

А еще знал, что надежды почти никакой. И жена Инна тоже знала, и даже сам Славик... Знать не мог, но чувствовал. В промежутках между припадками. А во время ему было просто очень больно. Звериная сущность боролась с людской за место в маленьком худом теле. Тело отзывалось судорогами, пена хлопьями срывалась с губ, Славка скулил по-собачьи, он очень мучился, а облегчить страдания Антон не мог, даже если бы сам умер. Жена за последний месяц сбросила десяток килограммов и постарела лет на двадцать.

И тоже ничего, ничего не могла сделать! Не помогли даже многочисленные женины родственники, всё сплошь маги-целители-зооморфы шут знает в каком поколении. Не помогли и друзья Антона, тоже ведуны не из последних. Синдром Райнована, будь он проклят.

Был такой оборотень Райнован в шестом веке. В Киликии. Не оборотень даже, а так, оборотненок. Волк, кажется. То есть, должен был стать волком. Мальчишка еще, вот как Славик, может, чуть постарше. Оба родителя – чистокровные оборотни. Только еще до полной инициации Райнована поймали и заперли в клетке на потеху публике. Заставля-

ли перекидываться из облика в облик. Вот смешно-то, а?! А мальчик же еще не инициированный, у него почти не было сил для таких фокусов. "Игрушка" не отрабатывала номер, её били и морили голодом... От издевательств и слабости Райнован начал "застрывать" – и в одном облике не может, и в другом. Так и умер.

Но Славика-то никто не бил и голодом не морил! И до инициации мальчик дожил вполне благополучно. Однако сам обряд прошёл как-то неправильно. И в следующий раз, как Славка попробовал перекинуться, случилось... вот.

Антон разыскал всех друзей, которые хоть что-то знали и умели. Всех знакомых, которые могли что-то знать. Даже врагов, которым готов был ноги целовать, лишь бы помогли. Слетал в Ниццу к самому известному специалисту по физиологии зооморфов. После приема напился до потери сознания. На следующее утро очнулся, болел дико с похмелья – оборотням нельзя человеческий алкоголь в принципе, организм не переносит – но и попытки не предпринял опохмелиться. Славику ничем не поможешь.

Возвратился домой, сказал жене – та взвыла одними глазами, но по примеру мужа напиваться не стала. Заперлась в ванной комнате надолго, Антон даже испугался. Обошлось. Через час вышла с красными глазами и с тех пор плачущей ее Антон больше не видел. Она вообще очень хорошо держалась. Гораздо лучше самого Антона.

В тот же вечер заглянул очень близкий друг – их, близких,

оказалось вдруг так много. Все клановые и еще ребята из соседних паттернов. Этот друг был тоже из Пантер, Влад, с ним в одной связке учились. Принес Славке апельсинов, денег на лекарства и каких-то травок. Сказал, заваривать. Это должно хоть чуть-чуть облегчить припадки. И еще посоветовал одну дельную вещь. Сходить на поклон к главе клана, попросить помощи у него. Намекнул на один очень древний и очень сложный обряд...

Антону к тому времени уже море по колено было. Пошёл. Причем натурально на поклон – хоть лбом об пол биться, хоть шею под нож подставлять. Если это поможет, то почему бы и нет.

Глава клана Ингмар принял Антона ласково, всем своим видом выражал соболезнование горю, пригласил на чашку чая. Предложил сигарету, которую Антон принял с благодарностью – раньше некурящий, сейчас прочно подсел на никотин, случалось и пачку, и две в день выкурить.

Антон нервно затягивался, Ингмар некоторое время молчал, потом осторожно начал:

– Я чем-нибудь могу помочь? Как у вас с деньгами? Может быть, твоему сыну или жене что-нибудь нужно? Мы всё понимаем...

– Моему сыну нужно жить. Сегодня с утра у него уже припадок, – глухо пробормотал Антон. Взял себя в руки. – Я узнал, что есть какой-то древний обряд.

Ингмар словно постарел разом. Хотя он, глава клана, дей-

ствительно уже очень старый. Ему давно уже за сотню лет, он и революции, и войны, и еще чего пострашнее смерти одного маленького мальчика видал. У Антона заняло в груди, не спрашивая, выхватил из пачки еще одну сигарету и жадно, обжигаясь, затянулся.

– У твоего сына синдром Райнована, Антон, – тихо сказал Ингмар, тоже закуривая. – Раньше для сохранения чистоты породы детей при малейшем подозрении... ликвидировали. Чтобы и сами не мучились, и, если выживут, своих деток не плодили. Понимаешь?

– Мне плевать. И на чистоту породы, и вообще на всё, – насмелился заглянуть старому коту в глаза. Зеленые такие, близорукие глаза. Приговора Славке, а значит, и себе, он там не увидел. – Мой сын должен жить. Я что угодно сделаю, только пусть живет. Нужно, меня убейте! Инка тоже готова! Только дайте нам надежду! За что нам такое?!

Самообладание полетело к чертовой матери, Антон знал, что выглядит безобразно, не подобает так Коту клана Пантер. Ничего не мог поделать. Скажи ему Ингмар пойти и утопиться – пошёл бы. Этот, специалист по физиологии, мать его, ляпнул, что, дескать, ваша самка еще пару-тройку здоровых принесет, так зачем же убиваться?

– Это никогда не бывает за что-то. Это или результат неправильного ухода за ребенком, или мутация, как в вашем с Инной случае. Вы не виноваты ни в коем случае. Так вышло. По статистике, такое случается с одним ребенком из

двадцати тысяч. Слава стал таким двадцатитысячным.

– Это должно меня утешить? Мне обряд нужен. Обряд. И только.

Ингмар старательно затушил сигарету в пепельнице. Сигареты хорошие, кстати, "Nat Sherman Classic".

– Антон, это тёмный обряд. Понимаешь, что это означает?

– Человеческая жертва. Да?

– Именно. Одна как минимум. И еще несколько магов "выпить" как батарейки. Нравится? Ну? Нет, я бы выбил разрешение у Координаторской, они бы пошли нам навстречу. Пантер слишком мало, чтобы нами разбрасываться. Но убийства будут на твоей совести. Подумай.

– Я...

– Подумай. Завтра придешь. Сейчас домой не возвращайся, часик посиди где-нибудь, чуть-чуть расслабься и взвесь все за и против. Ну?

– Хорошо.

Здесь постоянно курили.

Сизый дым висел ключьями, раздражал итак уже обоженную слизистую носа. Антон тоже вносил свою лепту в общий пряный туман. Дешевое местечко, в таких многое позволяется. "Салун "Пьяный койот"" не хотите ли? В Сибири?

За соседним столиком девушка в короткой юбке явно скучала, коктейльной соломинкой помешивала нечто оран-

жевое в своем бокале. Молоденькая, лет от силы двадцати двух, ярко раскрашенная. Наверно, не профессионалка, всего лишь любительница приключений. Блескучая, а пахнет неуверенностью.

Призывно улыбнулась и даже качнула головой вялому интересу Антона – ну тянет простячек к оборотням. Животный магнетизм, говорят. Можно было бы воспользоваться. Нужна ведь жертва? Можно так запудрить девчонке мозги, что она до самого последнего момента ничего не поймёт. Не этой конкретно, естественно, а какой-нибудь другой. Ночью заглянуть в такой вот бар и взять первую, которая под руку попадется.

Отвернулся. Девчонка сейчас наверняка сидит, досадливо сморщив носик, и в упор не понимает, что на неё накатило – флиртовать с невзрачным незнакомым мужчиной "сильно кавказской национальности".

Справа шептались, изредка прерываясь на поцелуи, двое. Стриженная под мальчишку, спина узкая, худая, черная футболка с ядовито-зеленым листиком марихуаны – девушка. Юноша угловатый, широкий, порывистый. Видно даже в полумраке, издалека, мельком – любят друг дружку. Может, мимолетно, может, только на этот вечер, но по-настоящему.

Под потолком болтался за какой-то надобностью зеркальный шар, бликовал в густом тумане. Вон бармен за стойкой. Здоровенный детина, на вид туповатый, под тридцать ему, видать, ровесник Антона. Интересно, жена, дети...?

Хлопнула дверь в уборную, вывалился-вышатнулся из нее парнишка лет двадцати, вдрызг пьяный. Вообще бери тепленьким. Покачиваясь, нырнул в густую темноту закутка для "винов". Оттуда доносился пьяный гогот. В той же кондиции еще парней пять. Выбирай любого.

Ну, так и? Кого не жалко?

Саданул кулаком по крышке стола, хотел бы сломать косяшки, чтобы побольней, да не вышло. Зря послушался Ингмара, оно, когда не знаешь, – куда проще.

На улице вертелись в воздухе первые снежинки, а небо было уже ночное, синее и в звездах. Плюнуть бы в него.

На пороге Инна спросила одними губами:

– Ну что?

Ответить не успел, в комнате болезненно вскрикнул Славик. Убежала. Антон, стараясь не вслушиваться, тихо разделся и ушел на кухню. Через полчаса жена пришла.

– Уложила спать. Дала той травы, которую Влад принес. И? Так что? Нам помогут?

Антон поглядел на тонкие инкины запястья, в пергаментное, иссушенное бессонницей лицо. Он хотел всё рассказать жене и спросить совета. Инна глядела устало, тускло. Она ждала приговора. С самого утра, когда Антон ушёл, до самого позднего вечера, пока муж сидел в баре.

Совета спросить, значит? А какой совет может дать обезумевшая от горя женщина, круглые сутки запертая в квартире с умирающим сыном? Так еще и бремя выбора на сва-

лить на неё? До кучи?

Антон сообразил, что вот оно – ответственность. Нужно решать самому. И знать, что никогда и ни за что не сумеет он сказать жене, что отказался от обряда, потому что для этого должен убить простеца. И, конечно, никогда не признается, что согласился обменять жизнь ни в чем не повинного человека на славкину жизнь. Инка никогда, ни разу в жизни не охотилась на людей. Вообще не охотилась, у нее выдержка твердокаменная. Всё равно, никогда Антон даже не наметит, что за выбор предложил ему глава клана Ингмар, старый кот, революции и войны выдавший.

Кивнул:

– Всё нормально. Нам помогут. Я договорился. Завтра схожу к Ингмару, он скажет, что делать.

В Нововерске, на пересечении улиц Ленина и Борцов Революции, стоит скромненький серый домишка в два этажа, планировки в виде буквы "с". Домик уже лет сто как находится в аварийном состоянии, обветшал, кое-как намазанная краска облезла, обнажив серые панели. Стекла в окнах пыльные, щедро изукрашенные трещинами в синей изолене и скотче. Единственное приличное во всем здании – мраморная мемориальная табличка на углу. Белая, с надписью когда-то позолоченными буквами: "Памятник истории федерального значения. Здесь с 1906 по 1917 год находилась

подпольная квартира отдела РСДРП(б), а в 1918 году располагался штаб по борьбе с контрреволюцией и выпускалась газета "Красный путь". Охраняется законом".

Антон тупо перечитал надпись, наконец, сообразил, что может означать аббревиатура «РСДРП (б)». Коммуняки. Еще разок обогнул здание, полюбовался на заросшее грязью оконце подвального помещения и решил, что коммуняки нынче не в чести. А вот контрреволюция явно победила. С сожалением отбросил почти до фильтра скуренную сигарету, подумал, не достать ли новую, но на часах было без пяти пять, а назначено на ровно. Пока подынешься...

Изнутри зданьице оказалось не столь безнадежно. Хороший паркет, солидная мебель, на входе секьюрити – амбал в два Антона толщиной и со взглядом садиста-профессионала. Впечатление несколько портил стойкий запашок перегара от мужика, но, может, тоже часть имиджа?

– Мне назначено. Антон Костин, – кивнул хорошенькой девушке на ресепшене. Та мельком глянула в ноутбук, пробежала пальцами по клавиатуре.

– Клан, пожалуйста. С идентификацией.

Амбал надвинулся, оттирая плечом в уголок холла. Одновременно уловил слабый отблеск поднимаемого барьера. Словно бы Антон экстремист и сейчас вытащит из-за пазухи свой большой АКМ. Неслабо у них с охраной. И на слово не верят, требуют подтверждения. Ну, если хотите...

– Клан Пантер.

И тут же перекинулся. Один миг, а мир изменился. Посерел и расцветился запахами. Секьюрити забыл сменить носки и курит "Беломор". Девчонка нервная оттого, что сегодня у нее "те самые" дни. Да, а духи она предпочитает вонючие, приторно-сладкие, дешевка. Оскалился, махнул хвостом. Хватит? Или вас еще и укусить?

– Достаточно, – изрекла дамочка. – Вам вверх по лестнице, кабинет направо. Вас ждут.

Амбал проводил уважительным взглядом, дамочка на ресепшене слегка побледнела. Антон знал, что в звериной ипостаси выглядит куда внушительней, чем в человеческой.

Действительно ждали. Двое.

В кресле у стола сидел Ингмар, прихлёбывал чай. Второй, по виду ровесник Антону, сидел за столом, и, внимательно вглядываясь в монитор компьютера, лихорадочно дергал «мышку» по коврику. Динамики тихонько попискивали и хрипели.

"Играет. В стрелялку какую-то или гонку", – догадался Антон.

Впрочем, при появлении Антона занятие свое игрок прекратил, отодвинул «мышку» и выпрямился в кресле.

– Господин Костин?

Кивнул в знак согласия, еще один кивок бросил Ингмару в качестве приветствия.

– Замечательно. Позвольте представиться, Олег, Координатор по Сибирскому округу.

Антон удивился, конечно, но ничем удивления не выдал. Олег, значит. Координатор. Мужчина лет тридцати, с азартом изничтожающий виртуальных монстриков, родился на самом деле где-то в позапрошлом веке и вполне мог сопли главе Ингмару подтирать. Кивнул вторично.

– Что, Антоша, надумал, значит? – подал голос главный кот клана. – Давайте сразу к делу. У меня сегодня еще важная встреча. Кстати, Олег, ребята волнуются, тебя требуют. Чуть до драки не дошло. Каждый одеяло на себя тянет.

– Разберемся. Сначала с вашей лицензией утрясем. Так что, господин Костин, вы подтверждаете свое требование, заявленное в устной форме главе Клана? Берёте ответственность на себя и подтверждаете, что принимали решение, находясь в твердой памяти и здравом уме?

Дальше Антон подписывал какие-то бумаги, чем-то клялся и что-то подтверждал. Получал инструкции. Выяснилось, что придется уехать. В захолустный Заречец. Наконец, помурыжив минут двадцать расспросами насчёт серьезности решения и готовности отвечать, выдали два разрешения. К тому времени Антон уже весь взмок и сам не знал, серьезно ли он всё это затеял или в последний момент... Нет, на последний момент права у него не было.

Первое разрешение оказалось на проведение обряда и выглядело казенной справкой из какого-нибудь СОБЕСа. Даже печать стояла – слегка смазанная синей штемпельной краской. И за размашистой подписью Координатора Олега.

Второе выглядело куда солидней. Собственно даже, не разрешение, а целая подшивка из трех личных дел. Три досье на людей, которые, как Антону объяснили, в ближайшее время всё равно должны с наибольшей вероятностью погибнуть, а так хоть польза будет. В общем, выбирать любого.

Антон кивнул, свернул досье трубочкой и сунул во внутренний карман куртки.

Сказал или не сказал "спасибо", позже не сообразил, а уже дома внезапно понял, что лица Координатора не помнит. То есть тот вроде светловолосый, голубоглазый... или нет? Русский и смуглый? Впрочем, какая разница. Шифруются, как умеют. В конце концов, Координатор итак фигура почти мифическая. Наверно, есть резон.

На пороге дома уже и думать забыл про Олега и прочие клановые дела.

– Ин, мне нужно будет уехать из города, надолго, на две недели приблизительно. А вас со Славкой ко мне потом переправят. Буду заниматься подготовкой обряда. Может, взять няню тебе в помощь?

– Справимся. У Лены отпуск с понедельника, она обещала приехать помогать. Не трать лишние деньги, – инкино лицо просияло решительной надеждой. Ей только и нужно было, чтобы сказали – шанс есть. А дальше она сама.

Знала бы она, сколько этот шанс стоит.

Досье были до неправдоподобия подробные, включая совершенно бесстыжие самые мелкие детали. Например, про

первого кандидата в жертвы, некоего Виталия Захарова, Антон узнал, что тот имеет привычку надираться в полном одиночестве по субботам. Затем при должной кондиции гулять по двору и гонять бабок, а после целое воскресенье опохмеляться и слезно вымаливать у тех же бабок прощение, но уже в понедельник являться на работу, как ни в чем не бывало, при костюме и в свежей сорочке. В общем, понятно, если брать, то брать тепленьким и в квартире где-нибудь вечером в субботу. Откроет как миленький. Еще и составить компанию предложит.

Второй кандидат порадовал полной неудовлетворенностью своей сексуальной жизнью и через это привычкой «клеить» женщин на одну ночь в каких-нибудь дешевых придорожных кафе. Как следствие, переболел гонореей и ещё чем-то из "букета" богини любви.

Третьей жертве всего двадцать пять. Миловидная довольно, и единственная из троих внушала Антону стойкую симпатию. Сразу видно, девочка серьезная и порядочная, а из "бесстыжих" мелочей разве что привычка читать и грызть одновременно какие-нибудь сладости в постели.

Странно, но пока кандидатов жалко не было. Может быть, оттого, что у того же Виталия помечено – в ближайшее время должен будет в пьяном виде забыть потушить сигарету, спалить квартиру и задохнуться в дыму... Девушку вроде собьют на дороге.

Или потому, что Слава проснулся и за стенкой просил ма-

му почитать сказку.

Судя по всему, так называемые «простецы», люди без каких бы то ни было магических способностей, являются тем самым «промежуточным звеном» эволюции, без которого никогда не появились бы ни зооморфы, ни маги. Несомненно так же, что «простецы» обладают всеми психическими свойствами, присущими и магически одаренным, и несколько не уступают им в интеллектуальном развитии. Однако вопрос об отношении к простецам магического сообщества дискутируется до сей поры. С одной стороны, наличие у простецов разума предполагает распространение на них всех норм «Хартии Баланса», и такая позиция является официально признанной. С другой стороны, недоразвитие у простецов важнейших магических функций организма стало идеологической базой появления крайних, шовинистических течений среди магов, призывающих иногда даже к истреблению *homo sapiens vulgaris* как вида, а чаще просто практикующих отношение к простецам как к «кормовой базе».

Энциклопедия культур Кланов

Луна висела в небе толстая, тяжелая, до окончательной полноты ей не хватало нескольких дней.

Висеть-то висела, только вряд ли кто её видел. Небо за-

тянуло толстым одеялом облаков, снег... не снег даже, так, крупка, сечёт с самого утра, никак толком не организуясь в нормальный снегопад. Но луна всё-таки почти назрела. Антон её прекрасно чувствовал. В такие дни он всегда ощущал неприятную тревогу, дань своей второй, животной природе, тосковал даже. Нечто, смутно называемое "голосом крови", настойчиво звало... куда-то. Кого-то выслеживать, загонять, пить чью-то еще горячую, дымящуюся в ночи кровь.

Впрочем, сейчас было слишком холодно, чтобы всерьёз мечтать об охоте. Да и не охотился Антон на самом деле ни разу в жизни. Так, домашнего кролика загрызть, когда очень хочется, или голубей погонять. А где под Нововерском вообще охотиться? Бежит дикий зверь от города, за свою шкурку опасается.

Антон стоял в подворотне, под козырьком, курил и смотрел на мельтешение крупки вперемешку с нормальными хлопьями в воздухе. Подворотню неумолимо заметало, мусорные бачки скрылись под белыми шапками, далекий фонарь светил натужно, сквозь полудрёму. Оставалось еще приблизительно двадцать минут.

Антон ждал.

Вот как восемь лет назад. Даже погода стояла такая же, разве что снег чисто символический. И, конечно, была луна...

...Реку просто выморозило до дна. Рекордно холодная зима, сказали синоптики. Димка, идиот, опять где-то застрял, задерживался уже на час почти. Антон пританцовывал на снегу, лапы мерзли неимоверно, всё-таки пантеры не слишком приспособлены для жизни в Сибири. Дрянь тут, а не жизнь пантере, если откровенно. Ну, Димка, ну, козёл, если окажется, что опять застрял у подружки – прибить гада на месте. Отморозил мягкие подушечки, когти застекленели, лишний шаг сделать боишься, ломаешь к чертовой матушке. Пять километров от города, а в паре километров – посёлок с красивым и лживым названием "Райское". Там есть магазин, только он ночью не работает, конечно. Даже забежать погреться некуда.

Антон решил ждать еще десять минут, а потом валить назад, домой. Хруст снега слышал издали, мягко отошёл к кустам, слился с темнотой, но любопытство выиграло. Шаги легкие, испуганно-быстрые, ровные. Женщина. Чего женщине делать среди ночи в двух километрах от деревни? Затаил дыхание, позволил себе высунуться – всё равно она в темноте вряд разглядит. Девушка молоденькая оказалась. Красивая. Не обычной красотой молодости, не свежестью, а такая... правильная, что ли.... Настолько, что аж дух перехватило.

Такая вся... Глаза большие, в мохнатых ресницах, а с ресниц она легкий снежок смаргивает, но снежок тает, оседает капельками- слезинками, на щеках. Губы ласковые, изогну-

тые луком. Носик ровный, небольшой... Кукла или картинка... Как-то так. С ума сойти, чтобы такое чудо – и среди леса! Ночью!

Наверно, это и называется «громом шарахнуло», потому что на тропку вышагнул, ни секунды не раздумывая. Незнакомка вполне ожидаемо взвизгнула, отшатнулась, уронила сумку в снег. И неожиданно – упала. На четыре лапы. Чёрная, желтоглазая, тонкая и легкая – и пантерой тоже красивая. Мельче гораздо Антона, моложе года на два, вообще скорее игрушечная, чем хищная. И зарычала тоже не угрожающе, а недоуменно и с заметным испугом. Что, дескать, делаешь здесь, чужак? Мне удирать со всех ног или пощадишь?

Он забыл про Димку начисто. Привёл девушку домой. Там в порядке "антистресса" достал валерьянки. В клане столь вредных наклонностей не поощряют, но Антон, как и всякий уважающий себя студент, держал дома некоторое количество "дури". Нюхнули. Ну, молодые еще были, дураки.

Хмельная Инна – имя тоже красивое, необычное – очень мило морщила лоб:

– Антон, а, Антон? А вот отчего у тебя глаза черные? Ты что ли этот... сын гор? Грузин? Или чечен? Ой, а я боюсь тебя, Антон!

Антон кивал, "подтверждая" самые черные иннины подозрения – да, сын гор. Сибирского разлива, правда, и вообще никакого отношения к горам не имеет, просто затесались

вот в предки какие-то чернявые. Но в душе ого-го, конечно! Да, и танец с саблями спляшу, эту, как её, лезгинку! Или это не лезгинка? А плевать! Вот Хачатуряна поставим, сабли раздобуду, станцюю как пить дать! Ты только это... приходи еще?

Вдрызг уже пьяная, совсем к "дури" непривычная, мягко улыбалась, чистые родниковые глаза со дна отдавали зеленцой, Антон всё смотрел... Он тоже был изрядно пьян, и он не знал еще, что такие же точно глаза будут потом у сына Славки. Но влюбился уже тогда. С пьяных глаз чудилось – Инна какой-то дивный эльф, который с первым лучом солнца исчезнет. С пьяных глаз, конечно...

Да, а ночь была совершенно такая же, как сегодня. Холодрыга, только сигарета и спасает. Метель, наконец, разродилась. Снег бесновался в воздухе, в водосточной трубе выл ветер, скрипела какая-то доска над головой, опасно раскачиваясь на хлипких петлях. Однако от снега и ветра защищала. Саат побери, да когда уже она появится? Она ушла из дома приблизительно полтора часа назад, след имелся, и четкий еще... Должна уже возвращаться.

Заречец этот – дрянной городишко. Мелкий, правильный и сонный, словно бы застывший в одном своем времени бронзовых бюстов вождя мирового пролетариата, ноябрьских демонстраций и огромных алых звёзд на макушках

районных ёлок. Город перешептываний за спиной и вездесущих старух с тросточками и клетчатыми сумками. Приехал сюда четвертого дня, а уже вчера расслышал, как соседка снизу прошипела в спину "нехристь". Нет, не спорит никто, нехристь и есть, среди пантер вообще мало христиан. Больше как-то почитатели Саат Справедливой. Хотя это тоже бабьи сказки. Если бы она существовала, Антон сейчас не смолил бы на морозе в ожидании первой своей человеческой добычи. Она бы помогла.

А так Антон сам себе помогал.

И дождался-таки.

На миг остолбенел, очень уж на Инку восьмилетней давности издали смахивала. Такая же узкая, стройная, чертами лица издали даже походит. Был порыв смыться отсюда, попробовать ещё разок Виталия Захарова обработать. Пьянь несчастная, не жалко таких, хоть расстреливай. Только дверь, сволочь, не открывает. А времени уже в обрез.

Отвод глаз работал исправно, девушка мужчину в кожаной куртке и вязаной черной шапке не замечала в упор. Но, видимо, что-то чувствовала, потому что ускорила шаг и торопливо зашарила в кармане. Удивительная восприимчивость – может, какие-то спящие способности? Но засвиристел телефон у жертвы в кармане, она расслабилась, защебетала в трубку, отвлеклась.

Тогда подошёл ближе, перекинулся и отпустил морок.

И ударил когтями. В последний момент сделалось совсем

жалко, да и женщину обижать...

Сориентировалась слишком быстро для женщины. Резануло по глазам так, что чуть на месте не помер. Баллончик чертов!

Нужно было для верности куснуть, но царапин должно хватить. Буквально упал в морок обратно и тёр, тёр горящее лицо до искр из глаз, только бы не нюхать проклятой вони. Жертва меж тем повыла в снегу, посидела, раскачиваясь из стороны в сторону, как катотоничка, схватила сумку и бодро побежала домой, потеряв с Инной всякое сходство. И славно. Вообще всё славно складывалось – и подкараулил, и инициировал.

Теперь только ждать. Неделю или десять дней. Она должна достаточно свихнуться, чтобы стать пригодной к обряду. А она свихнется, без дрессировщика инициированному никак нельзя. Оборотень по рождению перебьется как-нибудь, перетерпит еще, а вот...

... Антон искренне ненавидел своего наставника. И одновременно обожал, как обожать мог бы только мальчишка лет двадцати, какой-нибудь зеленый солдатик – генералиссимуса Суворова, скажем, или генерал-фельдмаршала Кутузова. Как две одинаково сильные и совершенно яростные эти эмоции могут уживаться бок о бок, Антон никогда не давал себе труда задуматься. Так было, и так было со всеми. Дресси-

ровщика нельзя любить, потому что он ломает твою психику под основание, но и ненавидеть тоже нельзя – он делает тебя тем, что ты есть и чем ты будешь. Антон был оборотнем от рождения, он и представить себе не мог, что бывает иначе.

И то окончательное оформление Котом далось тяжело. Дрессировали его полгода, что ли. Обычное дело – с начала полового созревания молодняк словно с цепи срывается, начинаются грызня, помешательство, проснувшаяся сексуальность неконтролируемо выливается в большие проблемы для всего клана в целом, а уж для родителей взрослеющего оборотня – в форменные страх и ужас. С Антоном вышло несколько иначе, он вообще был мальчиком тихим и уравновешенным, поэтому под дрессуру попал только лет четырнадцати, когда ломать приходится уже почти сложившуюся психику, причем психику звериную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.